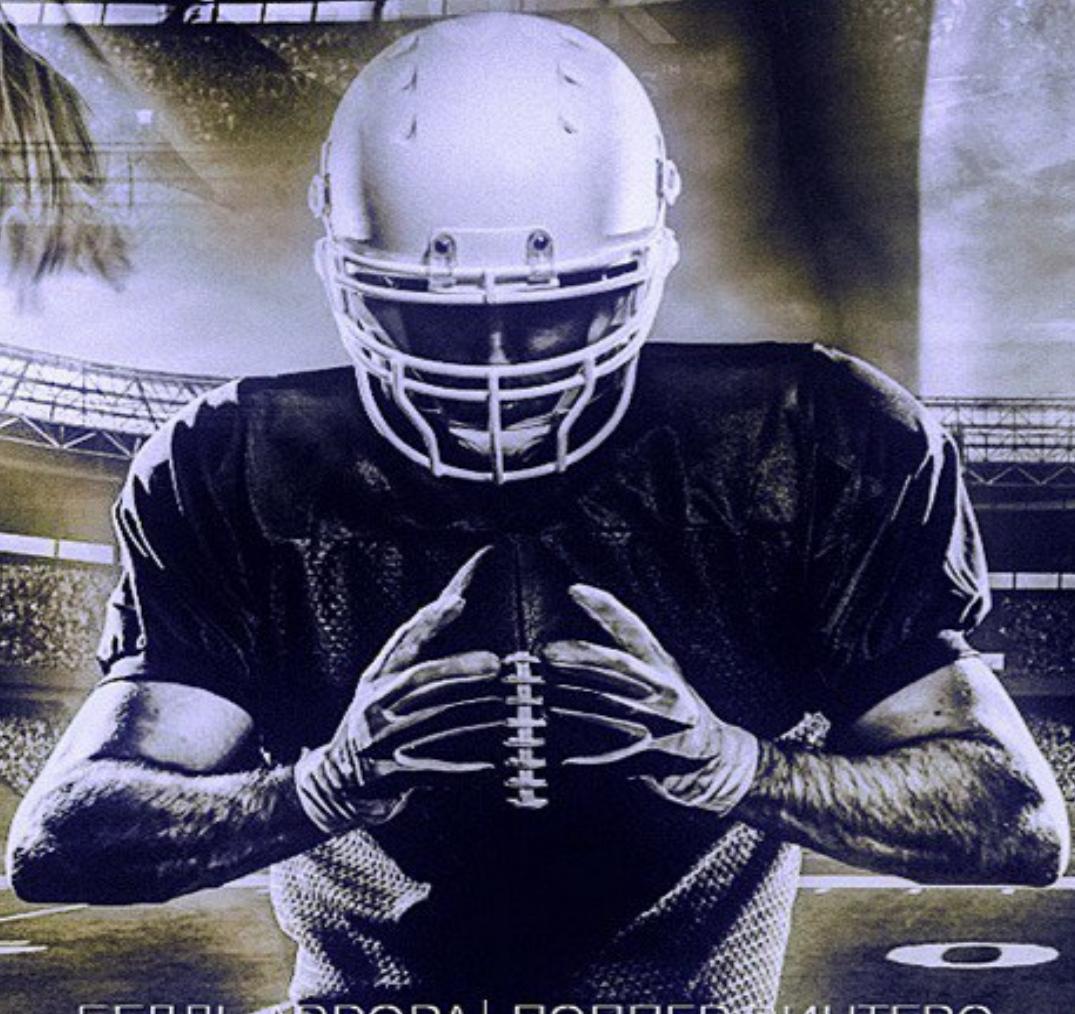

ПОБЕДНЫЙ бросок

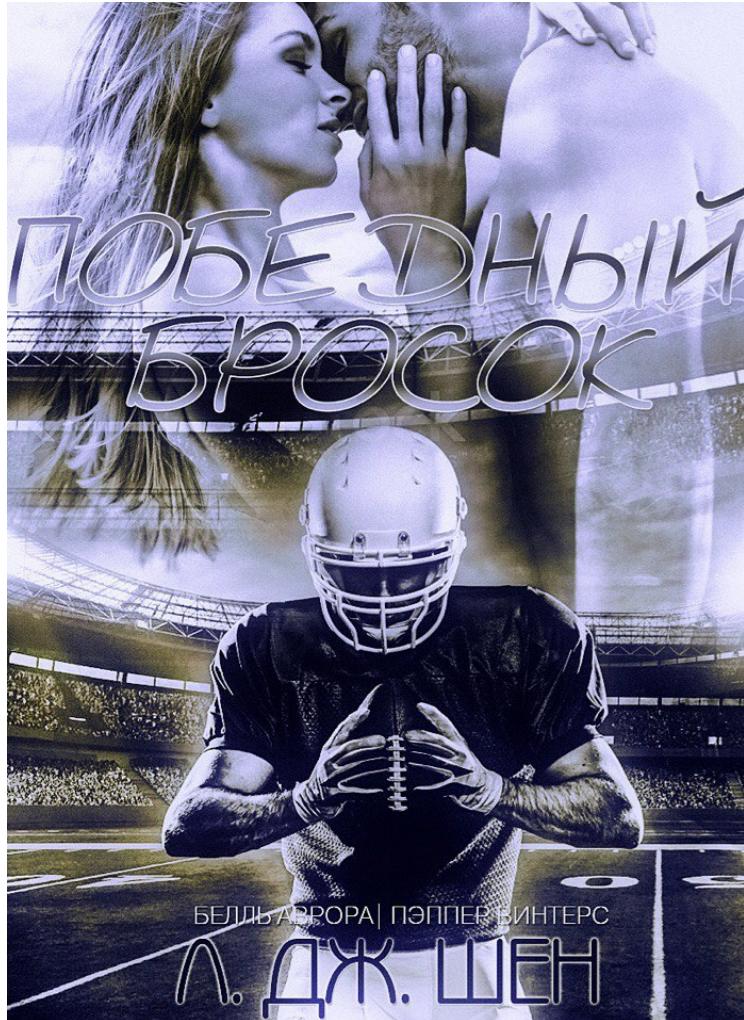

БЕЛЛЬ АВРОРА | ПЭППЕР ВИНТЕРС

Л.ДЖ.ШЕН

Данная книга предназначена только для предварительного ознакомления! Просим вас удалить этот файл с жесткого диска после прочтения. Спасибо.

Л.Дж.Шен
«Победный бросок»

Название: Победный бросок

Автор: Л.Дж.Шен

Серия: Вне серии

Переводчик: Катя

Редактор: Марина

Вычитка и оформление: Matreshka, Дашуля

Обложка: Катя О.

Переведено для группы: https://vk.com/bellaaurora_pepperwinters
18+

**Любое копирование без ссылки
на переводчика и группу ЗАПРЕЩЕНО!
Пожалуйста, уважайте чужой труд!**

Джоли Луис сообразительная девушка.

*Она понимает, что ее лучший друг, Сэйдж Пойриер, плохой выбор для
отношений.*

*Он ходячее клише. Квотербек с внешностью Адониса, накачанными
мышцами и гаремом фанаток, которые следуют за ним по кампусу, как
зловоние, от которого сложно избавиться.*

*Печально то, что по этой причине и она не может держаться от него
подальше. Ну и, учитывая тот факт, что они соседи по квартире.*

Джоли размывает границу их дружбы, а затем еще больше, когда

*Сэйдж делает ей предложение, от которого она не может
отказаться: быть его липовой девушкой и жить остаток семестра
бесплатно.*

Она убеждает себя, что может справиться с этим.

*Он просто мальчишка, которого она спасла десять лет назад,
правильно?*

Неправильно. Совсем неправильно.

Сейчас он мужчина, и она его пленница.

Ее сердце, тело и душа...

Содержание

[Пролог](#)

[Глава 1](#)

[Глава 2](#)

[Глава 3](#)

[Глава 4](#)

[Глава 5](#)

[Глава 6](#)

[Глава 7](#)

[Глава 8](#)

[Глава 9](#)

[Эпилог](#)

Пролог

Десять лет назад

На восьмую ночь она решила поговорить с ним.

Минуло восемь ночей с тех пор, как Пойриеры ворвались в ее жизнь, поселившись в соседнем доме.

Восемь ночей, в течение которых крики, вопли и плач миссис Пойриер и рев ее мужа пронзали уши Джоли, проникали в ее душу и заставляли дрожать под одеялом, сотканным для нее бабушкой.

Восемь ночей, в течение которых ребенок Пойриеров — примерно ее возраста, лет десяти или одиннадцати — спотыкался об их скрипучий порог. Его грязные светлые волосы торчали во все стороны, а грудь вздымалась от рваного дыхания.

Щеки окрашены в розовый.

Рот искашен мрачным оскалом.

Глаза горят обжигающим красным гневом, который она могла видеть даже в кромешной темноте ночи.

Восемь ночей, когда он забирался на дуб, разделяющий земли между домами Пойриеров и ее. Мальчик сидел там, скрытый ветками и листьями. Иногда он выл на луну, как одинокий волк. Но чаще всего плакал так тихо, как только может человек.

Семь бессонных ночей, когда она вертелась и крутилась, оплакивая безымянного мальчика и его маму, прежде чем сломалась и решила подойти к нему. Даже если бы он накричал на нее или посмеялся над ней. Даже если бы он не проявил к ней милосердия, как учил его отец.

Девочка со скрипом открыла окно, подтащила по ковру старый ящик с книгами, забралась на него и проскользнула через приоткрытую щель, выбравшись из безопасности спальни в неухоженный, неподстриженный двор. Дождь сильно заливал ей лицо, а ветер задувал в уши. Было влажно, жарко, душно и липко. Ее белая хлопковая ночная рубашка льнула к коже, а капли дождя стекали с подола на ноги. Трава была скользкой, и грязь покрывала пальцы. Мальчик решительно двигался к дереву. Она осторожно и неторопливо шла в том же направлении.

Он притормозил, когда увидел ее, поэтому она прибавила темпа. Позже выяснилось, что это их особенное танго. Один тянет, другой толкает. Один хочет, другой дает. Один любит, другой ранит.

— Что ты здесь делаешь? — попытался он перекричать дождь.

Ответить ему было невозможно. Ее сердце колотилось, «бум, бум, бум», как животное в клетке, жаждущее свободы.

Шаг, другой, потом еще. Она задавалась вопросом, каково это — быть живой. Действительно живой. Не просто жить. Мокрый мальчик, неловкий и дрожащий в разгар жаркого летнего шторма. Вблизи он выглядел даже более злым, его глаза — пугающая смесь оттенка полуночного синего и ярости.

Они остановились примерно на расстоянии двух метров друг от друга рядом с деревом. Он был чуть выше, чуть шире, лицо чуть напряжено и более воинственное, чем она ожидала.

— Ну? — повторил он задумчиво.

«Он слишком молод, чтобы быть задумчивым», — подумав, вспомнила она. И это беспокоило ее, несмотря на все причины.

— Почему, черт возьми, ты здесь?

— Мне жаль, — ответила она, проглатывая боль, которую переживала за него.

Она была огромна. Девочка не понимала, как смогла переносить ее в течение восьми дней. Ему нужна помочь, и она хочет дать ее ему.

Школа начнется через пару недель — пятый класс, — и он станет новым учеником. Она решила прямо здесь и сейчас, что будет его союзником. Его другом, нравится ему это или нет.

— Тебе жаль? — фыркнул он с горьким смешком, качая головой.

Капли дождя падали с кончика его прямого носа, полные губы вытянулись в сердитую линию.

— Ну, что ж, не стоит. Я в полном порядке.

— Ты не выглядишь хорошо, — настаивала она.

— Ну, так и есть.

— Я здесь ради тебя.

Смущившись, она обняла себя за талию. Ее бабушка говорила, что честность делает тебя уязвимым, но также нет ничего сильнее истины.

— Что бы тебе ни понадобилось, я здесь ради тебя. Кстати, я — Джоли.

Она протянула руку между ними. Он уставился на нее, размышляя, будто это было нечто большее, чем рукопожатие. И, возможно, так и было. Все казалось таким странным. По-взрослому. Дуб позади них выглядел как живое существо, наблюдающее заключение этого невероятного договора.

— Сэйдж, — ответил он, соединяя ладонь с ее.

Девочка крепко пожала ее; мальчик сильнее выдохнул. Притянул ее

к своему телу, располагая голову в изгибе ее плеча, дрожа от слез, которые она не могла видеть.

Они обнимались под дождем, как в кино.

Обнимались долго. Крепко и отчаянно, его кожа просачивалась в ее, как в поцелуе.

Девочка думала про себя, что так начинаются красивые любовные истории. Она прижала ухо к его неистовому пульсу. Тело мальчика было теплым, но мускулы жесткими, как лед.

Девочка закрыла глаза, и шторм исчез. Не потому, что прекратился, а потому что рядом с мальчиком она ощущала себя бесстрашной.

И на восьмую ночь девочка, сама того не осознавая и даже без согласия мальчика, подарила ему больше, чем дружбу и объятия...

На восьмую ночь девочка отдала ему сердце.

Он принял его молча, никогда не предлагая своего взамен.

Глава 1

Джоли

— Йоу, Джоджо. Твоя задница нужна мне сегодня.

Дымящийся стаканчик из «Старбакса» скользит по хромированному столу, который он купил мне на прошлое Рождество. Поднимаю голову, скептически рассматривая парня своими карими глазами.

Сэйдж Пойриер. Мой лучший друг. Лучший квотербек колледжа Луизианы. Парень, который добавил «шлюха» в слово «парень-шлюха». Моя вечная любовь. Список можно продолжать бесконечно, но уверена, что смысл вы уловили. Поправляю воротничок, отороченный золотом, удобной песочно-голубой блузки, перекидывая через плечо пряди волос цвета рыжеватого блонда (больше рыжеватого).

— У меня завтра экзамен по английской литературе.

Я зеваю, моя рука парит над клавиатурой моего MacBook'a. Взятка Пойриера оценена, пусть даже и впустую, — это острый тыквенный латте с маршмэллоу, который технически отсутствует в меню, но бариста продала бы свою почку, чтобы заставить Сэйджа ей улыбнуться. С тем количеством домашней работы, что есть у меня, сегодня вечером я не сдвинусь с места. Сэйдж хватает стул напротив и плюхается с тяжелым выдохом, сцепив руки за спиной. На нем черная кепка, одетая задом наперед, с символикой Нью-Орлеанских Святых, его вейфареры (здесь и далее прим. перев.: Wayfarers — солнцезащитные очки) висят сзади под козырьком. Это бесспорный международный знак «я — придурок», и мне пришло в голову, в сотый раз с тех пор, как мы съехались вместе на первом курсе колледжа, что если бы не знала его с десяти лет, то я бы, вероятно, посчитала его сексуально привлекательным, как смазливую крысу.

— С тобой не весело.

Он наклоняется вперед и щелкает пальцем по кончику моего носа. Его озорная улыбка с ямочками на щеках расширяется, когда я бью по его руке.

— У меня есть оценки, которые нужно держать на уровне, — возражаю я.

— Хмм. У меня тоже.

Я смеюсь и закатываю глаза.

— Ты один из самых востребованных квотербеков в Луизиане. Переходишь в профессионалы в следующем году. В связи с этим ты можешь пробить себе дорогу даже в нейрохирургию, если захочешь. Каждый профессор в этом колледже целовал бы землю, по которой ты

ходишь, если бы не боялся, что ты подашь заявление на судебный запрет против него.

Я не преувеличиваю? Не-а. Ничуть. Не поймите меня неправильно — я в восторге от своего лучшего друга. Он заслуживает всего, чего достиг, а это очень много. В двадцать один у него есть собственный блестящий бордовый пикап, новенькие апартаменты, которые он арендует самостоятельно (я же оплачиваю счета в обмен на свою комнату), три команды НФЛ обхаживают его, словно принцессу из диснеевского мультфильма. Невзирая на все свои заслуги, он никогда не был наглым или тщеславным со мной. Вместо этого у меня есть доступ к его новой квартире, машине и новой жизни. Он все еще примерный маменькин сын-южанин, снимает шляпу всякий раз, когда посещает небольшую ферму, на которой мы жили. Единственным недостатком быть лучшим другом Сэйджа является, ну...

— Вопрос в том — хочешь ли ты целовать землю, по которой я хожу, или, даже лучше, меня? — Теперь его локти лежат на столе, а голова наклонена набок, он весь во внимании. — Потому что, Джоли, малышка, ты единственный человек, на которого я хочу произвести впечатление. В идеале под простынями, — подмигивает он.

Вставьте смайлик — меня безудержно тошнит, из-за его пошлости.

Это не первый раз, когда Сэйдж подкатывает ко мне, и держу пари, что не последний, когда я его отшиваю.

Напомню: месяц назад мы с Сэйджем случайно столкнулись в коридоре, когда я была голой после душа (забыла полотенце в комнате). Он шел пописать, впечатляющий утренний стояк выделялся в его оргазмических боксерах. Я смотрела вниз, пока спешила в комнату, голова была опущена от стыда. Он тоже смотрел вниз, поправляя свое хозяйство. Вот так мы столкнулись, а наши конечности перепутались вместе, и я оказалась снизу. Затем он потянулся к моей заднице, чтобы убедиться, что я не упала. Какой джентльмен, не находите?

С того момента Сэйдж был непреклонен в том, что нам нужно переспать. И ключевое слово здесь «нужно», а не «следует».

И, Господи, прости меня. Если бы он был любым другим парнем, я бы прилипла к нему, как сырь после бурных каникул в Вегасе. Он парень, который выглядит как дитя любви Мэттью Носзка (прим.перев.:Matthew Noszka — американский модель и актер) и Джеймса Дина. И тот факт, что он под два метра ростом с жестким

прессом и только пятью процентами жира в теле, не — повторяю, не — упрощает мне задачу постоянно отказывать ему. Но знаете, что действительно помогает мне говорить ему «нет»? Мысль о том, что Сэйдж, с которым я выросла вместе и которого знаю лучше, чем кого-либо еще, разобьет мое сердце на триллион кусочков, сотрет его в пыль, а потом переступит через то, что осталось на пути к следующей кровати с розовыми простынями.

Потому что. Мой. Лучший. Друг. Является. Шлюхой!

Я люблю его, но он мужчина-шлюха, который не может держать свой член в штанах дольше двадцати четырех часов. И почти уверена, что этот факт может быть научно доказан, если кто-то приложит усилия к исследованию данного вопроса. В любом случае, я слишком привязана к Сэйджу — и к моему сердцу, — чтобы так безрассудно поступить с любым из них.

— Это не про меня, — говорю я с преувеличеным британским акцентом, складывая руки и притворяясь, что мне скучно, прилагая все усилия изобразить Саймона Коуэлла (прим.перев.: — британский телеведущий, продюсер, филантроп, деятель теле- и киноиндустрии, основатель, руководитель и совладелец фирмы Syco, в которую входят агентство по поиску новых исполнителей, студия звукозаписи и телевизионная компания. Один из крупнейших представителей британского шоу-бизнеса).

В последнее время мы часто обсуждаем британскую версию X-Factor, и Сэйдж заставляет меня изображать британского судью каждый перерыв на рекламу. Если отказываюсь, то он борется со мной на полу и щекочет меня до икоты. Я отбиваюсь и пытаюсь вырваться из его стальных объятий, но оказываюсь плотно прижатой к полу, а его твердое тело надо мной. Он настолько агрессивный и целеустремленный, что девяносто процентов времени я полностью одета просто потому, что слишком боюсь, что однажды сдамся (это продолжается довольно давно, поэтому, пожалуйста, не судите строго).

— Я превращу это в «да» еще до того, как закончится семестр.

Он встает. Потягивается, сжимая кулаки, и зевает. Его черная футболка задирается и демонстрирует идеальную V, указывающую на промежность. В последней попытке спасти мои уже мокрые трусики, отвожу свой взгляд. Пытаюсь сосредоточиться на экране MacBook'a, а затем хмурю брови, когда слова эссе по литературе начинают

ускользать от моего понимания. Я решила специализироваться на английской литературе, потому что хорошо разбираюсь в игре слов, но всякий раз, когда Сэйдж рядом, превращаюсь в какой-то распускающий нюни беспорядок.

— Еще ни одна девушка не говорила мне «нет», и, будь я проклят, если это будет цыпочка, о которой я забочусь больше всего, — продолжает он.

— Но именно поэтому я и говорю «нет», — отрываясь от эссе, отрызаюсь на него.

Не могу понять, почему он не видит этого. Если мы начнем спать вместе, это все испортит.

— Почему?

Почему?

— Почему? — поднимая голову, спрашиваю раздраженно.

Угу, я на самом деле раздражена. Раздражение — моя любимая мозоль, и мальчик, Сэйдж, в последнее время меня постоянно выводит из себя.

— Ты действительно хочешь выкинуть прочь десять лет дружбы ради быстрого перепиха?

— Во-первых, это не будет быстро, — ухмыляется Сэйдж. — Я знаю, на что способен в постели. Мы говорим как минимум о двадцати пяти минутах, леди, и это я скромница, потому что, возможно, буду немного взволнован, когда, наконец-то, сомну простыни между нами.

Он выпячивает свой пах и подмигивает. И я бы закатила глаза, если бы не тот факт, что его комната находится дальше по коридору, и тонкие стены подтверждают его заявление. Все девушки, которых он приводит домой (примерно двадцать процентов женского населения США), стонут и кричат в среднем по сорок минут.

— И, во-вторых, я ничего не разрушу. У тебя всего одна ночь. У меня всего одна ночь. Мы можем собрать их вместе и сохранить нашу дружбу в целости. Мы не какие-то чертовы двенадцатилетки, чувиха.

Полагаю, что могу закончить этот разговор, указав, что а) у двенадцатилеток обычно не бывает сексуальных отношений, и б) я не чувиха. Но мне нужно еще кое-что объяснить.

— Я не вступаю в отношения на одну ночь.

Поднимаю ручку и сжимаю ее, чтобы не дать себе ударить в великолепное самоуверенное лицо Сэйджа. Но знаю, что мой кулак

будет болеть дольше, чем его нос. Парень, кажется, состоит из стали, бронзы и меди.

— Конечно, вступаешь. Как насчет того чувака, Брэндона?

— Этот чувак Брэндон был моим парнем в течение семи месяцев, — говорю с каменным лицом.

Забавно, что он упомянул об этом, так как мы с Брэндоном расстались в прошлом году, потому что последний был твердо уверен, что между мной и Сэйджем что-то происходит. Это было безумным, не верным и невероятно раздражающим. Но еще более удручающим был тот факт, что Сэйдж делал все возможное, чтобы поддерживать это ложное предположение, постоянно касаясь меня и окликая всякий раз, когда я общалась с Брэндоном, словно пытался саботировать наши отношения. Клянусь, оставалось всего несколько недель до того, чтобы Сэйдж пописал на мою ногу, чтобы пометить ее как свою собственность, что было комично, учитывая, что член Сэйджа был представлен как общественное достояние. Удивлена, что он частично не финансируется правительством.

— Этот придурок никогда не был твоим парнем, Джоджо, — качает головой Сэйдж, вздыхая, словно я очаровательный щенок.

— Жаль разочаровывать, но он действительно был.

Ты не будешь быть своего лучшего друга. Ты не будешь быть своего лучшего друга. Ты не будешь...

— Ну, теперь я еще больше хочу надрать этому парню задницу.

— Что? Почему?

— Потому что — жаль разочаровывать, — он имитирует мой тон, и довольно неплохо (ублюдок), — но он трахал Каппа Альфа Шлюху, как цыпочку ни называй, Надю. Видел, как они тусовались на вечеринках, по крайней мере, дважды, пока вы, так называемо, «встречались». Но я думал, что у тебя никогда не было серьезных отношений с этим мудаком.

Он проводит ладонью по своим песочно-светлым волосам и спутывает их до взъерошенного совершенства. Сглатываю, чувствуя, как раздуваются мои ноздри. Чертов Брэндон.

— Поэтому никогда не думал, что должен сказать об этом тебе. Ты же знаешь, что я всегда прикрою твою спину.

Слабо улыбаюсь, встаю и иду на кухню, а Сэйдж следует за мной по пятам. Хочу, чтобы он исчез, тогда я смогла бы поплакаться в

подушку или позвонить лучшей подруге, Челси, чтобы поговорить обо всем деръме, связанном с Брэндоном, пока бы его уши не загорелись, и пожар не сжег дотла весь его многоквартирный дом. Чувствую себя обманутой, глупой и такой же желанной, как тарелка испорченной брокколи. По правде сказать, прошли уже месяцы, но это до сих пор ранит. Что есть такого во мне, что привлекает придурков? Может, потому что, я иногда пользуюсь духами Тейлор Свифт...

— Пойдем со мной, — снова уговаривает Сэйдж, его хриплый голос проникает в мое тело и плавит мои женские части в теплое желе.

Он не должен так меня возбуждать, тем более что я его знаю. Понастоящему знаю его. Все плохие и непривлекательные черты. Бесчисленное количество раз видела, как он приходил домой с другими девушками, блевал в национальных парках и переживал падения. Счастливый плач, когда его родители развелись, слезы грусти, когда умер отец от печеночной недостаточности после многих лет злоупотребления алкоголем, и торжественный рев, когда он получил полную стипендию в колледже.

— У меня экзамен, помнишь? — открываю холодильник и вынимаю пакет апельсинового сока.

Хлопаю дверцей, и когда оборачиваюсь, Сэйдж заключает меня в ловушку, положив руки на стойку по обе стороны от моей талии. Его рот так близко к моему, что я могу видеть ямочку по центру его полной нижней губы. И он пристально смотрит на меня.

Сердце подскакивает к горлу.

Вся моя душа, скорее всего, в моих глазах.

И мне страшно. Я полностью, совершенно и отчаянно напугана тем, что он может сделать со мной, если ослаблю свою защиту. Если позволю ему.

— Мы говорим не о вечеринке, Джо. Пойдем ко мне в комнату. Забудь о Брэндоне. О людях. Обо всем этом деръме. Я хочу, чтобы ты почувствовала себя хорошо.

— Сэйдж, — шиплю я, прищурившись. — Пожалуйста, не делай это проблемой. Я бы не хотела переезжать в другую квартиру, но перееду, если это то, что нужно сделать, чтобы спасти нашу дружбу.

И мое сердце.

Он откидывает голову назад в раздражении, уставившись в потолок. Затем отталкивается от стойки, а я остаюсь стоять, наблюдая за

его подтянутой задницей, направляющейся в коридор. Чего это он? Он, что правда не знал, что у меня есть женские прелести, прежде чем увидел меня голой? Я отказываюсь жертвовать нашей дружбой, потому что ему вдруг привиделся во мне удобный перепихон-из-комнаты-напротив.

Клянусь, в последнее время он ведет себя очень странно.

Я наблюдаю за его спиной, зная, что узел в моем животе — тот, который сформировался, когда мне было десять лет, и Сэйдж переехал в дом по соседству — будет затягиваться. Как по сигналу. Моргнув, наливаю себе стакан апельсинового сока и проливаю немного на столешницу. Я знаю, что остаток вечера испорчен.

Двадцать минут спустя он выходит за дверь, одетый в темно-синюю куртку, темные потертые джинсы, а его только-что-трахался идеальные волосы выглядят, как первородный грех.

Сорок минут спустя Челси появляется у моей двери, вооружившись мороженым Halo Top (прим.перев. низкокалорийное американское мороженое). Мне нравился Брэндон, но недостаточно, чтобы портить свое натренированное тело настоящим мороженым из-за него.

Через час на меня обрушивается поток текстовых сообщений.

Сэйдж: У приверженности делу не бывает межсезонья. Будь готова, Джоджо. Потому что я приду за тобой. И знаешь что? Ты тоже ПРИДЕШЬ ко мне.

Сэйдж: Пожалуйста, сказала мне, что ты поняла сексуальный подтекст (прим.ред. слово come с англ. может быть переведено, как приходить и кончать).

Сэйдж: *скажи. Не сказала. И не разочаруй меня. Я не пьян. Просто толстые пальцы.

Сэйдж: (это был еще один сексуальный подтекст, кстати)

Сэйдж: Кроме того, у нас закончилось молоко, но не волнуйся, куплю немного по дороге домой. Заметь, как я избавил тебя от третьего сексуального подтекста, хотя оно белое и липкое...

Глава 2

Сэйдж

— Пожалуйста, скажи мне, что ты не забыл спросить ее в этот раз.

Марк опирается локтем на кухонный островок, к которому прислоняюсь я. Вечеринка — отстой. Несмотря на то, что она проходит

в огромном особняке на окраине Батон-Руж, атмосфера просто... тухлая. Кажется, что каждый ублюдок из моей учебной группы здесь, я не знаю и половины из этих людей, которые говорят со мной, но все знают меня. Это приводит к потоку бесконечных, бессмысленных, обыденных разговоров об учебе и футболе. Две вещи, о которых я не должен думать в свое свободное время.

Марк щелкает пальцами у меня перед глазами, привлекая внимание. Я моргаю, вдруг понимая, что он делает так уже какое-то время. Он высокий, темнокожий и симпатичный. Отец конгрессмен. Мать учительница английского. Три сестры. Безупречная репутация. Белый забор и две собаки с восхитительно глупыми кличками. Здоровый и милый. В общем, полная противоположность мне.

Я задумчиво держу красный пластиковый стаканчик в руках и снова просто отключаюсь, позволяя полуобнаженным телам и тоне алкоголя сливаться вместе в моем воображении.

— Спросил кого и о чем? — выигрываю время.

— Свою горячую соседку по квартире. Ты спросил у нее, нравлюсь ли я ей?

Опять ловлю себя на том, что хочу ударить себя по яйцам за то, что преуменьшаю свои отношения с Джоли. Это все моя вина. И причина, по которой не говорю людям, насколько мы близки, потому что не хочу мешать своему члену найти дорогу к хорошенькой киске. Ну, в этом месяце это мне аукнулось. Не только потому, что у меня был переломный момент с другой девушкой, который в значительной степени послужил пробуждающим сигналом, показавшим с кем в действительности мне нужно быть, но и теперь мне так же приходиться иметь дело со своим влюбленным товарищем по команде.

С тех пор как Марк Тинсли завязал тридцатиминутный разговор с Джоли, заскочив на днях, чтобы забрать какое-то футбольное снаряжение (непосредственно за день до того, как я столкнулся с ней голой в коридоре, плюс добавьте гребаный стояк), он заглядывается на мою лучшую подругу и умоляет меня дать ее номер телефона.

Ага. Как же.

Пожалуй, хуже всего то, что Марк умный, привлекательный, обеспеченный, и в активном поиске постоянной подружки. В отличие от отстойного Брэндона, он искренний. В нем есть все. У меня? Я выживаю за счет небольших рекламных контрактов и стипендии, но мне

так далеко до благополучия, что черт, едва могу сводить концы с концами. Кроме того, Джоли знает все о моих выходках. Она все время говорит мне, что ЗПП равняется Сэйдж-Придурок. Мы шутим об этом, словно это не волнует ее и не оскорбляет меня. Но правда в том, что в последнее время моя череда беспорядочных связей заканчивается катастрофой. Хотя, еще до этого, мне начинало надоедать постоянное перепрыгивание из одно кровати в другую.

Поймите, я лицемерный ублудок. Может, и трахаюсь направо и налево, но в тот момент, как у моей соседки появится ухажер, я превращусь в Джейсона Момоа. Можно ли это контролировать? И в свое оправдание, скажу, что никого не обезжал с тех пор, как Марк высказался о ДжоДжо. Сейчас важно отвадить его, а иметь дело с моей последней катастрофической интрижкой, дроить на воспоминания о голом теле Джоли и секс с незнакомцами — последнее, что у меня на уме.

Дело в том, что прямо сейчас я не могу препятствовать Марку. Что мне ему сказать? «Эй, послушай, мужик, между мной и Джоли ничего нет, но я не хочу, чтобы она встречалась с тобой»? Даже мне понятно, что это тянет на десятку по шкале придурков. Тогда проще сказать: «Послушай, бро, я застолбил ее. Почему бы тебе просто не отступить и двигаться дальше к кому-то менее потрясающему и, даже не знаю, менее Джоли?»

— Джоли! Я уже несколько недель прошу тебя спросить ее обо мне. Забудь об этом.

Марк отмахивается от меня, хватая бутылку пива из холодильника. Есть же бочка. Чудик. Здесь. Но думаю, что он слишком богат для одноразовых стаканчиков.

— Просто приглашу ее на свидание. Я пересекаюсь с ней на кампусе каждый понедельник в три.

Только через мой труп.

— Расслабься, чувак. У меня было много дел в этом месяце. Спрошу ее, как только вернусь домой.

Я сжимаю его плечо и выдаю ему самую непринужденную улыбку, которая только есть в моем арсенале. Внутри меня живет зеленый злой монстр, сеющий хаос в моем теле. Если Марк пригласит Джоли на свидание, это будет не первый раз, когда она встречается с кем-то еще. У ДжоДжо было два серьезных парня в старшей школе, и она

встречалась с вереницей придурков с тех пор, как мы начали учиться в колледже. Но все они казались временными. Ее разум всегда был в другом месте. Школа. Семья. Даже на занятиях пилатесом, которые дали ей это потрясающее тело. Но все это изменится в конце мая, когда мы выпустимся. Я знаю свою лучшую подругу. Хорошо ее знаю.

Ей захочется осесть.

Найти хорошую преподавательскую работу.

Выйти замуж. Завести детей. Детей Марка. Ни в коем случае у нее не может быть детей от Марка. Этот ублюдок не пьет бочковое пиво и знает, как завязать галстук, не глядя в зеркало. Он не из тех, кто будет бегать ради нее по грязи и под дождем. Лазать вместе с ней по деревьям. В колледже сидеть в сторонке и обливать дерзким людем на собственном языке, который знают только они.

Я тот самый человек. Ее человек.

— Я разберусь с этим сегодня вечером, — говорю снова, думая, что можно повториться.

— Да, хорошо, чувак, — бормочет Марк, его зрачки расширены, и именно тогда понимаю, что сильно сжимаю его плечо.

Он отталкивает меня, сделав шаг назад и столкнувшись с двумя девушками, которые кричат последние сплетни друг другу в уши из-за шума «Фетиш» Селены Гомес. Они обе стреляют в него злым взглядом, который смягчается, когда замечают меня.

— Я напишу тебе завтра.

Марк двигает пальцами в воздухе, как будто я не знаю, как выглядит текстовое сообщение.

— Конечно. — Я пожимаю плечами, поднимая стаканчик и прислонившись к островку. — Увидимся в понедельник на тренировке.

Вы знаете, что все идет под откос, когда вы обнаруживаете, что слышите поп-принцессу, и не предвидится никакого минета, способного остановить вас от ухода. Оборачиваюсь, и девушка из класса по информатики намеренно врезается в мое тело. Она показывает спектакль, где она нервно смеется и притворяется смущенно-милой. Я видел такое шоу тысячу раз и знаю его наизусть. Могу подвезти ее домой. Черт, даже могу затащить ее наверх. Еще месяц назад я бы так и сделал. Но сегодня все, о чем могу думать, — Джоли была чертовски расстроена из-за того, что я рассказал ей о Брэндоне. И мне грустно из-за этого чертова придурка, Марка.

— Я Стефани, — кричит она мне в ухо.

— И мне это не интересно, — кричу я в ответ в том же тоне.

Маска приторной улыбки чуть ли не с грохотом падает на пол. Ее глаза сужаются, прежде чем она дуется и уходит. Вытаскиваю свой телефон и отсылаю Джоли серию полусвязных текстовых сообщений. Затем мне в голову приходит план, как устраниить Марка Тинсли с горизонта.

Возвращаюсь домой, трезвый как стеклышко, делая остановку на заправке, чтобы купить молоко, и мой железобетонный план готов. Конец игры будет таков: Джоли ни с кем не встречается.

Джоли остается со мной.

Глава 3

Джоли

— Нам нужно поговорить.

Неохотно разлепляя один глаз, я все еще представляю собой белый хлопковый кокон из простины, а телевизор показывает тот же канал, под который вчера уснула. После ухода Челси я смотрела «Когда Гарри встретил Салли». Затем открыла бутылку вина, выпила три бокала и ждала, когда в крови заиграет алкоголь, прежде чем смогла ответить на сообщения от моего друга.

Я: Ты думаешь, что Брэндон изменил мне, потому что я скромняга?

Я: Или, возможно, потому что я ездила навестить свою семью каждые выходные, хотя он хотел потусоваться. Впрочем, к черту его, так? Да, мне нравится проводить время со своей бабушкой и родителями. В этом нет ничего постыдного.

Я: И «да», принеси молока. Мне понадобится завтра немного, чтобы справиться с похмельем.

Я: И «нет» тому, чтобы мы спали вместе. Я уже говорила тебе, Сэйдж. Я слишком забочусь о тебе, чтобы потерять из-за интрижки. Даже если чувство очевидно не взаимно...

Кровать прогибается под весом моего друга квотербека, а я

зарываюсь лицом в подушку, вдыхая аромат лосьона для тела и шампуня: ваниль, сирень и лаванда. Его теплая рука пробирается под одеяло, захватывая ногу и стягивая меня с подушки ближе к нему. Держа мою лодыжку на колене, он массажирует мне стопу. Теперь я должна получить золотую медаль, или, возможно, простое признание за то, что не раздвинула ноги перед ним прямо здесь и сейчас и не дала ему то, о чем он умолял.

Потому что. Сэйдж. Пойриер. Бог.

Именно поэтому он в первую очередь мужчина-шлюха. Невозможно отрицать его мужскую привлекательность, естественную красоту, дерзкий рот и чертову самоуверенность.

— О чём нам нужно поговорить? — бормочу себе в руку, которую положила на лицо, чтобы загородиться от солнечных лучей, проникающих через тонкие шторы на окне.

Он приподнимает мою ногу и целует чуть ниже колена. Дрожь пробегает по позвоночнику прямо к животу, заставляя его сжиматься в восхитительном предвкушении.

— Мне нужна подставная девочка, — объявляет он.

— Тогда вперед, иди. Ты можешь выйти из здания, и каждая живая женщина без кольца на безымянном пальце будет рада притвориться ею, — говорю я, ощущая свое утреннее дыхание.

Он отрывает мою руку от лица и откидывает на кровать, прислонившись ко мне так, что мы оказываемся нос к носу.

Великолепно. Просто прекрасно. Теперь он может учить мое дыхание мертвой гиены.

— Я серьезно, — доносится его хриплый шепот.

Он больше не звучит как мой Сэйдж. Конечно, я имею в виду, Сэйдж. Просто Сэйдж. Он не мой. Я знаю это. Ух.

— Как и я. Зачем тебе понадобилась подставная подружка? — хмурясь, спрашиваю я сквозь ладонь.

— Ты хочешь услышать правду?

— Нет, пожалуйста, солги мне. Но пусть это будет эффектная ложь. Что-нибудь с единорогами.

Мои заспанные глаза расширяются, и он хихикает, хватая одну из подушек, которую я отпихнула во сне, и бросает ее мне в лицо.

— Негодяйка, — шутит он.

— Женоненавистник, — кряхчу я.

Он поднимается, все еще уставившись на меня. Что? Это просто фигура речи. Я не имею в виду, что буквально была его женой.

— Я не могу объяснить тебе почему, но могу уверенно сказать, что ты единственная подходишь на эту роль. В следующем месяце в Нью-Йорке будет проходить Рождественский сбор средств, и мне нужно, чтобы кто-нибудь со мной пошел. А ты единственная, за исключением моей мамы, кого бы я хотел взять с собой. Ты единственная, кому я могу доверять, так что не подведи меня. А мама не может отпроситься с работы, поэтому остаешься только ты. Скажи «да».

Сглатываю, не совсем уверенная, чем все это отличается от тех встреч, когда я сопровождала Сэйджа на его футбольные мероприятия. Есть какое-то отчаяние и совершенная решительность в том, как он смотрит на меня. Словно так много слов на кончике его языка, но он прикусывает его, боясь использовать их.

— Для этого мне не нужно быть твоей фальшивой девушки.

— Нужно. Это важно. Все на учебе должны знать, что мы вместе.

— Но почему?

— Я бы сказал тебе, но потом бы мне пришлось убить тебя. На данный момент, практически уверен, что был бы в тюрьме сверху, а не снизу, но мне все еще не нравятся чуваки. Так что, согласишься?

К черту этого парня.

— Да ну тебя. Что я буду с этого иметь?

Прежде чем бросать в меня гнилыми помидорами (это понятно), сопровождая это совместным «буу» (что разумно), позвольте мне объяснить, зачем я это спрашиваю. Во-первых, определенно что-то есть, что выигрывает из этого Сэйдж, в этом никаких сомнений. А, во-вторых, я пытаюсь понять: это пари, или же он просто втравил себя в какие-то проблемы с женщиной, той еще занудой или типа того. Сэйдж изучает меня своими упавшими духом чернильно-голубыми глазами, и, я клянусь, мои яичники поют а капелла при виде его стальной челюсти. Он должен ходить с большущим предупреждающим знаком. Я наполовину склоняюсь к тому, чтобы задать вопрос Google о возможности забеременеть от одного взгляда.

Сэйдж хватается за кончик одеяла, срывает с меня и дергает за пижаму, чтобы я оседлала его. Это происходит так быстро, что кислород покидает мои легкие с коротким свистом. Теперь я задыхающаяся и верхом на нем, а его руки на моей заднице, и я не

останавливаю его. Почему не останавливаю? Хотя знаю, что должна. Он разобьет мое сердце, и некого будет винить, кроме себя. Я видела, как это происходило бесконечное число раз до этого. К тому времени, как мы окончили старшую школу, восемьдесят процентов девчонок начинали дрожать, просто слыша его имя.

— У тебя все равно будет бесплатное жилье, но только пока ты будешь притворяться моей фальшивой девушкой. Я также буду оплачивать счета. У тебя будет свободный доступ к моему грузовику — в любое время, как тебе понадобится. И последнее, но не менее важное: у тебя буду я. Весь я. Никаких других женщин. Никаких развлечений. Никаких игр. Только ты и я, Джоджо. Потому что мы всегда были вдвоем, и пришло время действовать в этом ключе, хотя бы ненадолго.

Он пахнет деревом, мяты и настоящей рождественской елкой. Как сладкое воспоминание, которое я хочу сохранить. Мои конечности расслаблены, и, наверняка, я совершаю огромную ошибку, но мне надоело сопротивляться. Поверьте мне, я пыталась. Это не принесло ничего, кроме пускания слюнег на моего лучшего друга.

— Хорошо. На какой срок? — медленно киваю я.

— До конца мая, — выпаливает он, издавая длинный вздох и упираясь своим лбом в мой.

Это интимно. Намного более интимно, чем все, что я когда-либо делала с Брэндоном. Май — выпускной месяц. Сэйдж предлагает мне бесплатные поездки до конца учебы. Не буду обманывать себя — я могла бы использовать сэкономленные деньги на другие цели. На оплату студенческого кредита, скопить немного денег на жизнь после колледжа. Такого рода дела.

Мы остаемся в такой позе в течение долгой минуты, прежде чем он снова хватает меня за задницу и сжимает ее. Это настолько играво и подружески, что я не рявкаю на него, чтобы он остановился.

— Добро пожаловать в мир парочек, крошка. Мы справимся с этим.

Глава 4

Сэйдж

— Эй, чувак, плохие новости.

«Для тебя, а не для меня», — воздерживаюсь от добавления. Вообще-то это чертовски фантастическая новость. Я все еще не могу поверить, что она согласилась. Опять же не совсем уверен, что ей были известны последствия. Когда я сказал Джоджо, что хочу быть ее

фальшивым парнем, то имел в виду именно это. Мы будем делать вещи, которые делают пары. В постели и на кухне, и в ванной, и даже на гребаной лестнице, если не сможем удержаться. Нет ничего фальшивого в том, что я собираюсь ей дать. Особенно в части оргазмов.

— Что случилось? — Марк поднимает голову, полотенце обернуто вокруг его талии.

Он захлопывает синий шкафчик и использует второе полотенце, чтобы просушить черные волосы. Несмотря на то, что он в моей команде, Марк сидел на скамейке запасных последние полтора года. Мне не остается ничего, кроме как внутренне проклинать его. Кем, черт возьми, он возомnil себя, подкатывая к моей ДжоДжо? Стойте. Моя ДжоДжо? Она не моя. Только это не вся правда. Она чувствуется моей, как никто другой до этого, так что кто, черт побери, говорит, что она не моя?

Хотя на самом деле на данный момент это вопрос семантики. ДжоДжо будет моей. Конец истории.

— Итак, мы с Джоли вроде как вместе.

Я прислоняюсь плечом к собственному шкафчику, глядя вниз на Марка. Да благословит Бог моего покойного отца. Он дал мне рост, позволяющий возвышаться над большинством ублюдков, которые заключили контракт с командами НБА.

Глаза Марка расширяются в изумлении, прежде чем черты его лица разглаживаются, и, прочищая горло, как положено хорошему богатому мальчику, коим он и является, заявляет:

— О, правда?

— Ага, — протягиваю я с усмешкой.

— Позволь мне прояснить ситуацию. Ты переспал с ней в эти выходные, после того, как я в сотый раз попросил разнюхать ситуацию для меня?

— Послушай, — язвительно говорю я, уклоняясь от вопроса. — Я знаю эту девчонку с десяти лет. — С тех пор, как она обещала мне, что я всегда буду огромной составляющей ее мира, и я изменился благодаря ее дружбе, сформировался благодаря нашему теплому общению и вырос, чтобы стать кем-то сильным. — Это никуда не исчезнет, так что, думаю, ты должен двигаться дальше.

— Ты придурок, ты же знаешь это, Пойриер?

О, я знаю. Я рос в одиночестве. Стал таким. Замкнутый круг и так

далее.

Хватаю свою темно-синюю футболку и вздыхаю громко и комично, прижимаясь спиной к ряду шкафчиков.

— Теперь мое самолюбие уязвлено. А это значит, что единственный способ покончить с этим — поцеловать меня в задницу.

— Ну, — с покрасневшим лицом говорит Марк. — Этого никогда не случится.

— В таком случае тебе лучше держаться на хрен подальше от моей девушки и меня, понятно?

Он не отвечает.

Просто уходит.

Я наблюдаю за его спиной и впервые в жизни чувствую вкус победы на языке за пределами футбольного поля. Наслаждаюсь этим. Знаю, что вел себя, как придурок по отношению к Марку. Я знаю это. Но не могу ничего поделать.

Все это сводило меня с ума и даже опустило на низший уровень по шкале морали, хотя, признаюсь, у меня не было причин чувствовать себя горько из-за происходящего, — мой характер победил.

Он выиграл, а я проиграл.

Я утратил хладнокровие.

Я потерял терпение.

Затем потерял контроль.

Зато получил единственное, что имело значение, — Джоли.

Джоли

Итак. Это официально. У меня худший день в моей жизни. Он начался с того, что Челси случайно пролила горячий кофе на мою белую блузку. И у меня не было времени, чтобы вернуться домой и переодеться между занятиями, так что блузка оставалась испачканной. После мой любимый профессор собрал нас в классе и объявил о своем внезапном уходе из-за трагедии, произошедшей в семье. Затем незадолго до полудня Марк Тинсли — парень, по которому я сохну уже примерно шесть месяцев (молча, конечно). Я настолько застенчива, что чуть не сгорела от смущения, когда он зашел на днях, чтобы вернуть кое-какое снаряжение Сэйджа) подошел, чтобы пригласить Челси на свидание, полностью игнорируя мое существование.

Я возвращаюсь домой уже затемно, потому что зашла в библиотеку, Сэйдж ждет меня в гостиной с двумя кусочками пиццы, салатом «Цезарь» и пивом. Какое же облегчение увидеть еду и его, что я почти хныкаю от счастья.

Именно так выглядит рай, верно?

— Присядь. Я поставлю «Х-Фактор».

Сэйдж похлопывает по мандариновому дивану, на котором развалился. Одетый только в серые шорты для бега и голый до пояса, что не удивительно, у Сэйджа строгая политика: дома находиться без рубашки. Подхожу и плюхаюсь рядом с ним с довольным вздохом. Он нажимает на воспроизведение, как только я начинаю есть первый кусок пиццы.

— Милая блузка, — его глаза уже замерли на экране.

— Спасибо... — начинаю я, но потом вспоминаю, что на ней пятно кофе размером с Миссисипи, и хмурюсь. — Наверно, мне стоит принять душ и переодеться перед ужином.

Я никогда не чувствовала себя слишком застенчивой перед ним, но сейчас чувствую. Возможно, потому что он никогда не вел себя так со мной. Тихо и заботливо... и, честно говоря, странно.

— Ерунда. Я же твой парень. Тебе не нужно прихорашиваться ради меня. Мне нравишься настоящая ты. Девушка, которая храпит, когда устает, и от которой пахнет чесноком каждое воскресенье после особенной запеканки ее бабушки.

— Ты мой фальшивый парень, — поправляю я, пытаясь установить границы.

— Это не важно. Все, что произнес мой рот, — правда.

Я поглаживаю его бедро самым платоническим способом и ковыряюсь в пицце и салате, внутренне признавая, что мой лучший друг однажды станет чьим-то настоящим парнем, только, вероятно, не моим. Саймон Коуэлл уничтожает людей на прослушивании. Две девушки плачут, а один парень угрожает подать на него в суд. Затем начинается реклама, и мы оба растягиваемся на диване.

— Поделись со мной своим впечатлением от Саймона Коуэлла, — Сэйдж тыкает пальцами мои бедра, демонстрируя свои ямочки.

— Может быть, позже. Я устала, — потираю глаза. Поглощенные мной пицца, салат и пиво, словно чужеродная еда, отправили меня в углеводную кому. Сэйдж смотрит на меня, его лицо напряженное, но

нечитаемое.

— Ты же знаешь, что произойдет, если откажешься?

Знаю. И я хочу, чтобы это произошло. Позорно, но наши сеансы щекотки самая эротическая вещь в моей жизни на данный момент. У меня не былоекса полгода, и, клянусь, мое интимное местечко заросло паутиной, если бы я не накупила достаточное количествоекс-игрушек, что можно было открыть магазин.

— Я не веду переговоров с террористами, — отвечаю непреклонно.

— Рад это слышать, потому что думаю, что я, в любом случае, уже закончил говорить.

Его глаза сфокусированы на моих, и его напряженное тело подрывается, прежде чем он набрасывается на меня, придавливая к покрытому ковром полу. Я падаю с шумом, но огромные ладони как всегда придерживают мой затылок. Сэйдж верхом на мне. Со мной извивающейся под ним. Я притворяюсь, что борюсь, упираясь кулаками в грудь, ожидая, когда начнется щекотка, когда...

— Стоп, — он переводит дыхание, и я замечаю, что Сэйдж не двигается. Его тазовая кость расположена напротив моей, эрекция упирается в мой пах, она большая, длинная и наклонена вправо. Мой рот наполняется слюной, а глаза затуманиваются. Боже мой, с каких пор мой лучший друг стал таким настоящим мужчиной?

— Что? — выдыхаю я.

Он наклоняется вперед, его рот в нескольких дюймах от моего. Его тело тяжелое, стояк дразнит, от запаха перехватывает дыхание, пока рот около моих губ.

— Правила изменяются: если ты хочешь, чтобы я перестал делать все, что я собираюсь делать, как твой фальшивый парень, то должна произнести имя «Саймон Коуэлл».

Я стону. Теперь он дает мне стоп-слово. Но я не запоминаю его, потому что сомневаюсь, что когда-нибудь использую. Его бедра начинают двигаться, и он скользит вверх и вниз, прижимаясь своим членом к моему паху. Я горю, вижу звезды, становлюсь мокрой от интенсивности фрикций. Каждый нерв в моем теле гудит от надвигающегося оргазма, потому что прошло так много времени с моего последнего раза. И я раскрываю свои бедра для него, мои джинсы стимулируют мой клитор.

— Скажи «Саймон Коуэлл», или я продолжу.

Его голос твердый, грубый и необузданный. Он ребенок, в которого я влюбилась еще в десять лет, и мужчина, которому я бы отдала весь мир в двадцать. Меня даже не волнует, что, вероятно, он всего лишь использует меня. Использует, как фальшивую девушку. Использует, как сексуальный декор его ковра.

Я ничего не говорю, потому что умру, если он остановится. Возможно, не буквально, но я больше чем уверена, что стану первой гордой обладательницей женских синих яиц.

Он увеличивает темп, трахая меня через одежду, одно его предплечье около уха, а другая рука обхватывает мою шею. Я хочу, чтобы он поцеловал меня. И одновременно не хочу, чтобы Сэйдж меня целовал. Хочу, чтобы мы нарушили все правила, которые помогли нам пережить наше бурное детство, которые помогли нам не поддаться сценарию «Когда Гарри встретил Салли». Правила, которые доказывают миру, что мужчины и женщины могут быть друзьями. Хочу уничтожить нашу дружбу на этом ковре. Хочу показать ему, что мое глупое, безрассудное, дерзкое сердце бьется только для него.

— Бл*нь, ты прекрасна, — рычит он, нежно сжимая мою шею.

Его пульсирующий член толкается между моими бедрами, проникая глубже в мою щелку, даже через джинсы, и знаю, как это должно быть больно для него. Он наполовину проникает в меня. Мои глаза закатываются назад, несмотря на все усилия, темнота позади них заполнена фейерверками. Это всегда было нашим...

— Скажи это сейчас, ДжоДжо. «Саймон Коуэлл». Заставь меня остановиться, или...

Сэйдж заставляет конец фразы повиснуть в воздухе. Или он продолжит. Но, возможно, я и хочу большего. Он сказал, что это случится по-настоящему. Он будет моногамным. И теперь, когда Марк Тинсли определенно больше не вариант, я могла бы извлечь выгоду из его предложения.

Если Сэйдж думает, что наша дружба может пережить это — или хуже, что наша дружба не стоит того, чтобы держать руки при себе, — то кто я такая, чтобы не соглашаться?

— Слишком страшно пересекать черту? — шиплю я, мои глаза увеличиваются от собственных слов. Я никогда не дразнила Сэйджа сексом. Всем остальным? Конечно. Но не этим. — Я не уверена, для чего ты используешь меня, Сэйдж, но если ты делаешь это, то я

намерена по полной использовать тебя.

Едва слова покидают меня, как его губы обрушаются на мои, пожирая, как одичалый волк. Словно тот мальчик, который выл на луну, и она, наконец-то, ответила ему. Это ударяет по мне, будто молния. Сэйдж ненасытен. И я буду его едой. Его пухлые губы тянутся к моим, стремясь открыть их. Он захватывает мою нижнюю губу своими зубами и тянет, тянет, тянет, пока у меня не остается другого выбора, кроме как поддаться ему. Его язык вторгается и нападет на мой. Он лихорадочно исследует, облизывая глубины моего рта, двигаясь между моими зубами, запоминая каждый миллиметр. Мои глаза закатываются от удовольствия, когда он втягивает язык между своих губ и сильно его посасывает, засунув руку в мои джинсы. Не имею понятия, в какой момент Сэйдж успел расстегнуть молнию, но сейчас он потирает мой опухший, чувствительный клитор, хоть и через трусики, пока пожирает мой рот. Наши языки соблазнительно танцуют друг с другом. Все мое тело бесконтрольно дрожит.

— Пожалуйста. О, мой Бог. Сэйдж.

Это слишком много. Неожиданное, внезапное удовлетворение. Не поймите меня неправильно — я делаю так же, чтобы кончить, три раза в неделю. Для того чтобы держать себя в здравом уме. Но не могу вспомнить, когда в последний раз мое тело плясало по-своему собственному усмотрению со страстью и безрассудной потребностью. Мне пришло в голову, что я могу кончить еще до того, как сниму его шорты для бега. Так что пытаюсь замедлить его, сказав наше дурацкое стоп-слово.

— Сайм...

Его губы оставляют мои, и он прикрывает мой рот ладонью, чтобы я помолчала, пока приподнимаются на коленях, чтобы спустить вниз шорты свободной рукой.

Он качает головой, ухмыляясь.

— Если хочешь, чтобы я остановился, просто скажи «нет», Джоджо. Но с этого момента, ты не кричишь больше ничье имя, кроме моего. Ты хочешь, чтобы я остановился?

Он отводит руку, но я хватаю его за запястья и покусываю костяшки зубами, потом втягиваю кончик его пальца между своих губ и немного посасываю его.

Черт возьми, нет, я не хочу, чтобы он останавливался.

Его массивный член выскакивает из шорт. И Сэйдж прижимает длинный, горячий, бархатистый ствол к моему обнаженному животу. Моя блузка задралась во время спонтанного сеанса поцелуев, и теперь он подтягивает ее еще выше, чтобы разместить член в ложбинке, на маленьком розовом бантике посередине моего лифчика, прежде чем потянуться за меня, чтобы стянуть его, слегка порвав.

— Теперь я собираюсь трахнуть тебя. Хотел сделать это еще с твоего тринадцатого дня рождения. Помнишь тот день? Клетчатое детское синее платье, ветчина с хлебом на лужайке. И я, наконец-то, заметил первый намек на сиськи...

Он проводит языком по моему подбородку, закрывая рот небрежным поцелуем. Поцелуй с избытком языка. Слишком много слюны. Слишком много всего, но каким-то образом, все еще недостаточно. В ответ сжимаю грудью его член. Подушечка его большого пальца снова трет мой клитор, и мои дрожащие бедра начинают бесконтрольно дергаться. Он сжимает мой клитор. Я стону так громко, что у меня в ушах звенит. Щипок, щипок, щипок. После дюжины маленьких щипков, чувствую, как подергиваюсь на невидимой струне удовольствия, которая соединяет нас. Взрываюсь, когда он, наконец, сжимает сильнее, посылая меня через край. Извиваюсь под лучшим другом, выкрикивая его имя с таким диким откликом, которого не чувствовала с того самого дня, как бежала к нему под проливным горячим дождем.

У меня едва есть время, чтобы отойти от оргазма, прежде чем Сэйдж начинает трахать мои сиськи, кончик его члена тыкается в мой подбородок каждый раз, когда Сэйдж трется собой о мое тело. Он двигается, сидя на моем животе, колени по обе стороны от меня. Его мускулистые бедра напрягаются, удерживая большую часть его веса. Он делает это, как профессиональная порнозвезда.

— Посмотри на меня, — рычит он, как раненое животное, его тон далек от привычной игривости.

Я поднимаю голову. Мои ореховые глаза встречаются с его голубыми. Он ухмыляется самой покровительственной придурковатой улыбкой, которую я когда-либо видела, схватив мои щеки одной рукой.

— Я хочу кончить в твой рот.

Молча киваю. У меня никогда не было орального секса. Не то, чтобы я что-то имею против этого, но думаю, что никогда не

чувствовала себя достаточно комфортно для этого ни с одним из моих прошлых бойфрендов. Но Сэйдж не просто парень, с которым я ходила на несколько свиданий. Он мальчик, который надирал задницы другим мальчикам, когда они неуважительно относились ко мне в школе, несмотря на то, что я говорила ему, что могу позаботиться о себе сама, и пытался (но провалился) печь мне песочное печенье каждое Рождество, потому что знал, что оно было моим любимым.

Он достаточно порядчен, чтобы не указать мне, что я по полной соснула у жизни (каламбур), и достаточно добр, чтобы не взболтнуть об этом никому, кого мы знаем.

— О, черт, так близко. Джоли, моя прекрасная, великолепная Джоли...

Он приподнимается, скользит членом между моих сисек и сует его в мой рот, обхватывая мою голову сзади, заставляя меня принять его глубоко в горло. И я делаю это. Борюсь с рвотным рефлексом и оборачиваю губы вокруг его члена, когда он сжимает основание. Теплая, густая жидкость скользит по моему горлу рывками. Мои руки на его заднице, и я сильнее сжимаю их, словно доярка. Это чувствуется грязным и аморальным, но в то же время великолепно правильным.

Когда он падает рядом со мной, то чувствую его соленый вкус на моих губах и языке. Я закрываю глаза и дышу, пытаясь разобраться в беспорядке, которым сейчас является мой разум. Мой бюстгальтер порван, моя киска пульсирует и горит от трения джинсовой ткани и щипков, а я чувствую себя так, будто пережила крушение поезда с размазанной помадой.

Большая ладонь тянется через мой живот, поворачивает меня на бок и притягивает в объятия. Сэйдж целует меня в висок, как любимую подругу, а не быстрый трах, и шепчет что-то, что я не могу разобрать.

— Что ты сказал? — бормочу, позволяя моей голове покойиться на его железных плечах.

Он не отвечает, а я не настаиваю, засыпая в крепких руках мальчика, которого сама объятиями собрала по кусочкам.

Глава 5

Сэйдж

На следующий день я валю Марка на землю на тренировке. Официальная причина? Он мудак. Реальная? Просто Джоли стоит на другом конце поля с Челси и другими девушками, прижимая MacBook к груди и смеясь над чем-то, что сказал кто-то из них. Что само по себе проблемой не является. Но то, что Марк разглядывал ее в течение двух минут? Безусловно.

— Какую часть фразы «она моя» ты не понял? — огрызаюсь ему в лицо, пригвождая к земле. Ну, это быстро приобрело ожесточенный характер. Ничего не могу с собой поделать. Чем больше мысль о том, что Джоли и Марк встречаются, снедает мой разум, тем больше мне хочется отправить его в бессознательное состояние. К счастью, у нас с ней такие отношения, когда понимаешь друг друга с полуслова, и она согласилась со мной «встречаться».

Так же, как я однажды согласился заботиться о домашнем хорьке ее подруги в течение месяца в младших классах, потому что у ее бабушки была аллергия, и она не смогла сделать это сама. Мы всегда помогаем друг другу, в серьезных делах и не очень. Всегда.

— Я не смотрю на Джоли, придурок! Я смотрю на Челси. Вчера я пригласил ее на свидание. — Марк отталкивает меня, и я качусь по горячей влажной траве, смеясь в ярко-голубое небо. Это снимает груз с моего сердца, хотя даже не подозревал, что он был там. С тех пор, как окончил школу, мне всегда было легко — с девушками, с учебой, с футболом. На остальное, если честно, мне было наплевать. И, возможно, именно поэтому, у меня никогда не было того, что можно потерять. Но сейчас у меня есть и, черт возьми, если судьба не сука, потому что приходится удерживать это, чтобы оно не ускользнуло сквозь пальцы.

— Челси, да? У вас быстро закрутилось, — замечаю я, вставая на ноги и пробираясь между Майклом и Эллиотом, которые растягиваются на земле.

— Сказал парень, который поимел девушку, с которой я хотел встречаться, только чтобы она не досталась мне.

Марк поднимает свое снаряжение с травы и топает в раздевалку позади меня. Затем обгоняет, а я сдерживаю желание взглянуть на мою фальшивую девушку, которая на самом деле совсем не ощущается липовой.

— Не говори о ней в таком тоне. — Я стискиваю зубы.

— Почему? Ты постоянно так говоришь о девушкиах, — фыркает он.

Потому что она не гребаная девушка, она моя лучшая подруга, хочется закричать, но мне не пять, и я не какая-то там киска, поэтому прикусываю губу и меняю тему.

— Ты пригласишь Челси на благотворительную вечеринку в Нью-Йорке? — подбородком указываю в направлении девочек.

Один из моих спонсоров везет меня с моим «плюс один». Я не могу дождаться, чтобы увидеть Джоли в красном платье — это дресс-код для женщин-участников — и посмотреть на лица всех, когда эта южная красавица войдет со мной под руку, хотя тогда, вероятно, мне придется перестрелять всех пускающих на нее слюни.

— Зачем тебе это? Ты приглашаешь Джоли?

— Конечно, черт побери. Она же моя девочка. Итак? — Не знаю, почему так настаиваю на этом. Может, потому что действительно хочу услышать, что он переболел Джоджо.

— Хрен его знает. Мы еще даже не ходили ни на одно свидание. Тебе-то какое дело? — Он хмурится и останавливается у наших шкафчиков.

Пожимаю плечами. Я знаю, что Марк и Джоли не близки или еще что-то. Просто хотелось бы сохранить это до конца нашего последнего года в колледже. Если она узнает, что я сделал ее недоступной для любых потенциальных отношений, она подрочит мой член с помощью железной губки для мытья посуды.

— Просто любопытно.

— Эй, чувак, не пойми неправильно, но похоже, что тебя что-то гложет, — осторожно говорит Марк, снимая футболку и бросая ее на скамейку позади нас. — Все в порядке?

Все не в порядке. Я совершил ужасную ошибку с девушкой. И хотя это заставило меня понять, что есть другая женщина, которую очень хочу и люблю, я причинил кое-кому боль. Сильно. Но, конечно же,

ничего из этого ему не говорю. Просто широко самодовольно улыбаюсь.

— Не может быть более идеально.

— Хорошо. — Он гладит подбородок. — Отлично.

Снимаю одежду и иду в душ, позволяя обжигающе горячей воде наказать меня за то, что я сделал.

Помни о положительной стороне. Помни о конечной цели.

Джоли

День затягивается.

К тому времени, как я спотыкаюсь о входную дверь, уже десять вечера.

Межу моей сменой в «Счастливом кролике» — закусочной на Бордо-стрит — и занятиями в библиотеке с Челси и Пенни, я уже абсолютно вымотана. Слишком устала, чтобы даже перекусить. Как только вхожу в квартиру, направляюсь прямо в душ, чтобы освежиться. Затем надеваю сорочку (удобно висящую на вешалке в ванной рядом с моим полотенцем, дабы избежать любых неловких встреч в коридоре с Сэйджем) и проскальзываю под одеяло, даже не включив лампу рядом с кроватью. Я пододвигаюсь к краю кровати и закрываю глаза.

Ммм, так здорово.

Так расслабляюще.

Я могу просто дремать и очистить свой разум, чтобы не думать о...

Ладно, что-то упирается мне в задницу.

Поправочка: эрекция тыкается в мою задницу.

Двойная поправка: голая эрекция. Дразнящая. Мою. Задницу. Мать моя женщина!

— Сэйдж! — Я дергаюсь, отчасти разозлившись, но — говоря честно — в основном возбудившись. Словно у Сэйджа есть руководство по эксплуатации к моему телу, и он точно знает, как лучше работать над моим телом, чем я. Что странно. Мы все еще не говорили о внезапной смене наших отношений, но так как это уже произошло, что значит пересечь еще одну черту, верно?

— Шшш, малышка. — Его сильная, теплая ладонь скользит вниз, чтобы обхватить мою задницу. — Дай папочке позаботится о тебе.

— Назови себя моим папочкой еще раз, и я выковыряю твои

глазные яблоки ложкой.

— Черт, у моей девочки есть немного накопившейся агрессии. Как здорово, что я пришел, чтобы расслабить... — он спускает рукав сорочки по плечу и целует его. — Ее. — Он тянет сорочку через мою голову, оставляя меня полностью обнаженной, за исключением моих хлопчатобумажных трусиков. — Вверх. — Его рука скользит между моих бедер, обхватывает киску, и сжимает. Жестко.

— Нет необходимости, поскольку я совершенно расслаблена, — мяглю я, дразня его в ответ.

Он тянет мои трусики вниз, а я трусь своей задницей о его эрекцию, так что член оказывается посередине между моими ягодицами и давит на мою тугую дырочку. Он может мечтать об этом. Но опять же, это именно то, что я хочу, чтобы он сделал. Страстно желает меня, словно фантазию.

— Не-а, ты зажата. Скорее тугая, как твоя милая маленькая щелка.

Его язык скользит вниз по моему позвоночнику, оставляя легкую дрожь. Он движется на юг. Кто разрешил ему двигаться на юг? Это как «Игра престолов». Войны должны вестись, чтобы завоевать юг. Ты не можешь просто постучать в дверь и ожидать, что я ее открою.

Подожди, ты точно можешь, если будешь выглядеть, как Сэйдж Пойриер.

— Я слишком устала для секса, мистер Фальшивый Бойфренд. Совсем нет настроения двигаться, — протестую в последний раз, просто чтобы сказать себе, что пыталась, если что-то пойдет не так. Просто чтобы показать, что действительно что-то предприняла, я демонстративно поворачиваю лампу, словно собираюсь читать или смотреть телевизор, а не думать о сексе с моим лучшим другом (вранье).

— Все в порядке. Я пропустил сегодня свои углеводы, мисс Настоящая Девушка. Так что думаю, что просто полакомлюсь тобой.

Настоящая девушка? *Не зацикливалась на этом. Он бы сказал тебе все что угодно, чтобы залезть тебе в трусики прямо сейчас.*

— Кто сказал, что это углеводы, а не белки? — болтаю я. Мне нужно заткнуться. Заметка на будущее: не пытайся флиртовать с ним, когда он собирается поиметь тебя. Ты не можешь мыслить трезво.

— Еще лучше. Нет такого понятия «слишком много протеина» в диетпитании спортсмена. Лучше мне опуститься туда. Может быть,

даже вернуться за второй порцией сегодня вечером. — Он придерживает одной рукой мое лицо и поворачивает голову, чтобы поцеловать меня. Наши языки находят друг друга и счастливо танцуют вместе. Мои соски твердеют от жара между ног, а также прохладного ветерка в комнате. Он крутит один из них между пальцами. Затем отпускает и скользит под одеяло, где я его не вижу.

Сэйдж разводит мои ноги и устраивается между ними. Сначала он ничего не говорит, и мое самосознание включается. Знаю, что моя киска совершенно нормальная. Эпилированная воском — каждый миллиметр, словно девственная роза прямо перед цветением — гладкая до щелочки и розовая. Все там, где и должно быть. Тогда почему он ничего не говорит? Может, он задыхается под одеялом. Нужно проверить, как у него дела. Не хотелось бы писать такой некролог:

Умер между ног от недостатка кислорода в тот же день, когда я обедала сэндвичем с тунцом...

О, боже. Я забыла про сэндвич.

— Сэйдж? — бормочу я, сдвигаясь вверх. Но он прижимает меня обратно вниз за бедра одним быстрым движением, раздвигая ноги еще шире.

— Заткнись, — приказывает он из-под одеяла, этот огромный человек, двигающийся под мягкой тканью. — Джоджо? Я думаю, нам нужно разорвать наши фальшивые отношения.

— Почему? — мои глаза вспыхивают, а щеки краснеют.

— Потому что я просто влюбился. И речь идет о любви с первого взгляда. Твоя киска такая чертовски красивая, что хочу на ней жениться. Могу я жениться на твоей киске? Остальное твое тело может остаться одиноким, клянусь.

Смеюсь и игриво хватаю его за то, что как я предполагаю, является его головой или плечом, оба очень жесткие и круглые.

— Если ты любишь ее так сильно, то ты должен дать ей немного любви и заботы. Покажи, что ты действительно чувствуешь, — поощряю я, кусая нижнюю губу, и улыбаюсь.

— Могу я поцеловать ее? Или она не целуется на первом свидании?

— Она определенно целуется. Она немного потаскушка.

Чувствую, как его язык порхает у основания моей киски, рядом с моим входом, и дрожу от внезапного влажного и теплого ощущения. О. Боже.

— Назови ее еще раз шлюшкой, и я вышвырну тебя из этого менажа.

— Ты не можешь этого сделать. Я привязалась к ней.

Наш разговор становится абсурдным. Но все же таким веселым. Сэйдж широко раскрывает меня пальцами и погружает в меня свой язык, проникая в меня еще глубже. И я громко стону и сжимаю его голову под одеялом.

— Черт возьми!

— Черт, а она целуется еще лучше, чем ты, — говорит Сэйдж.

Я снова хватаю его за голову, когда он начинает доставлять мне удовольствие под одеялом. Засовывая свой язык в меня, и еще используя большой палец, чтобы потереть мой клитор, восхитительно кружка по нему, заставляя меня захотеть плакать от счастья.

— Да, почти. О, Сэйдж. О, Сэйдж. О...

Я так близко, и он это знает, потому что прижимает мои бедра к кровати, не давая мне отказать ему в доступе к самой чувствительной части. Поскольку его руки теперь заняты, он использует кончик носа, чтобы тереть мой клитор, продолжая трахать меня языком.

— Забери свои слова назад, — его голос темный и серьезный.

Это так не похоже на моего лучшего друга, которого я знаю и люблю. И все же, этот голос больше не странный для меня. Именно так звучит мой любовник. Мужчина, с которым хочу переспать, и делать очень недружеские, но такие приятные вещи.

— О... О чём? — заикаюсь я от своего плотского желания.

— О том, что твоя киска потаскушка. Она не чертова потаскушка. Она открывается и поет, но только для меня. Она шлюха, но только для меня. Она гребаная похотливая маньячка. Но. Больше. Ни. Для. Кого. Кроме. Меня. Поняла?

Господи, его грязные разговоры так возбуждают. Киваю сама себе, сглатывая. Чувствую горячую волну кульминации, омывающую меня, начиная с макушки головы и до кончиков пальцев ног. Я, как лист, дрожу и трясусь.

После того, как кончу, Сэйдж одним плавным движением появляется из-под одеяла. Его лицо окрасилось в розовый цвет, а губы блестят от моего возбуждения. И... он похож на того мальчика, в которого я снова влюбилась. Такой ранимый, сломленный и невероятно молодой. От всего происходящего у меня полный бардак в голове, и мне

интересно, чувствует ли он то же самое. Как будто Сэйдж ступает по канату между знакомством и взрослыми играми. Словно наши сердца связаны невидимой нитью, и каждый раз, когда один из нас тянет, то другой чувствует это.

— Скажи мне, что она моя, — шепчет он.

Моргаю. Мне нужна секунда, чтобы понять, что он говорит о моей киске. Снова. Я ухмыляюсь.

— А Сэйдж Младший мой? — Протягиваю руку между нами, чтобы схватить его стояк. Он голый под одеялом, а я хочу все увидеть и попробовать.

— Он принадлежит тебе. Я твой. Мы оба твои. Если... — Пауза. Мгновение тишины. Потом он заметно сглатывает. — Если ты хочешь нас.

Звучит серьезно. Очень-очень серьезно. Но я знаю его достаточно хорошо, чтобы признать, что у Сэйджа есть главный недостаток — он настоящий подхалим. Нужно напоминать себе, что он скажет все, что я хочу услышать, и ему это не составит труда. Сэйдж не думает о последствиях, чтобы получить то, что хочет. По правде говоря, у него никогда не было серьезных отношений, и он никогда не приводил одну и ту же девушку в нашу квартиру дважды. Поэтому напоминаю себе, что это всего лишь игра. Игра, которая закончится в мае, и после этого наши отношения никогда не будут прежними. Сэйджа позовут куда-нибудь в экзотическое место, и он станет неприлично богатым, а я продолжу свою жизнь в маленьком городке в Луизиане. Вероятность того, что все это произойдет, окатывает меня, как холодное ведро льда.

Это все временно.

Реальность такова, что он хочет фальшивую девушку до мая, потому что после он уедет в Бостон или Калифорнию делать карьеру. Ему просто нужен какой-то опыт с девушкой, прежде чем он уйдет, чтобы не чувствовать, что он что-то пропускает.

Будет использовать меня.

И бросит меня.

Он. Забудет. Обо. Мне.

И каждый раз, становясь свидетелем того, как он навещает свою маму на другой стороне дороги на Рождество или День благодарения, я буду помнить, что была всего лишь еще одним трофеем.

Сглатываю, а глаза наполняются невыплаканными слезами.

— Саймон Коуэлл, — хриплю я, мой голос едва слышен. Его брови потрясенно хмурятся, а губы раскрываются в неверии.

— Джоджо?

— Саймон Коуэлл, — повторяю, мой голос повышается на октаву выше. — Пожалуйста, уйди, — добавляю тише.

Он откатывается от меня, опирается головой о предплечье и наблюдает за мной. Мое сердце бьется с перебоями, когда сдвигаюсь на край кровати, бросаясь за своей сорочкой, внезапно забывая об усталости, голода и счастье, и бреду на кухню.

Не оглядывайся назад, не оглядывайся назад, не оглядывайся назад.

На кухне из морозильника достаю вишневое мороженое «Бен и Джерри». Это Сэйдж тот, о ком мы говорили, а не Брэндон. Он полностью стоит калорий. Я подпираю нижней частью тела столешницу, запихивая ложки мороженого себе в горло, даже не потрудившись толком попробовать. Моя спина повернута к коридору, так что я его не вижу. Но чувствую. Широкие шаги. Идеальное тело. Жар распространяется от него и доходит до меня.

— Какого хрена все это было, Джоджо? — спрашивает Сэйдж.

Голос звучит совсем не раздражено. Просто грустно и... разочаровано. Боже, сама мысль, чтобы разочаровать его после всего, через что мы прошли, не что иное, как мучение. Мы так много обещали друг другу и хорошо выполняли эти обещания. Я не хочу, чтобы это изменилось. Не хочу, чтобы мы менялись.

— Я больше не могу быть твоей подставной девушкой.

— Но...

Оборачиваюсь и встречаю его взгляд. Вижу всю боль, которая плавает в его голубых глазах. Я не хочу этого видеть. Столкновение с ним отменит все логические решения, которые мне нужно принять прямо сейчас. На нем узкие черные боксеры, он словно Адонис со скульптурным лицом, просящий своего смертного друга сыграть в игру, в которой могут победить только боги.

— Саймон Коуэлл, — говорю я в последний раз. — Отпусти меня, Сэйдж.

Он качает головой, оборачивается и уходит, делая именно то, о чем я его попросила.

Глава 6

Сэйдж

На следующий день делаю немыслимое, чертовски неразумное: толкаю товарища по команде, потому что он разминался слишком близко от меня. Да, я не шучу. Квотербеки обычно стараются защитить свои руки и ладони, а не вторгаются в личное пространство других футболистов, чтобы начать драку.

— Какая, черт возьми, у тебя проблема? — спрашивает Майкл, бросая шлем на траву и толкая меня в грудь.

Я просто ищу предлог, чтобы разукрасить лицо какого-нибудь первого встречного идиота. Так что этого достаточно для меня, чтобы нарушить его личное пространство и прорычать:

— Ты напросился на это, ублюдок!

Я уже практически наношу удар, зная, что это выставит меня в очень плохом свете, понимая, что скауты (прим.перев. в профессиональном спорте человек, который занимается сбором информации, наблюдением, разведкой и вербовкой спортсменов для своего клуба) рыщут на тренировочном поле, и могу слить все свое будущее в унитаз, когда чувствую, как большая рука оттаскивает меня прочь от Майкла. Том и Дре толкают Майкла в другом направлении, пока Марк держит меня поперек живота и тащит на другой конец поля. Мои ноги чертят две линии в грязи. Я всегда был агрессивным игроком. Это из-за того, что во мне живет огромный ребенок с чертовой кучей проблем. Вообще-то, я должен был стать аутсайд лайнбекером (прим.перев. одна из самых сложных и требовательных к навыкам позиций в линии защиты. У лайнбекеров больше обязанностей, чем у

игроков на других позициях, так как им приходится прикрывать большой участок поля. Потому выделяют значительное количество типов лайнбекеров, даже внутри единственной позиции «аутсайд лайнбекер»). Но так получилось, что мой первый тренер сказал, что я слишком умен, чтобы не быть квотербеком, и вынудил меня занять эту позицию. Сегодня же чувствую себя особенно агрессивным. Таким мудаком, которого можно бросить в один ринг с Конором Макгрегором и Флойдом Мейвезером, и он все еще сможет выйти оттуда невредимым.

— Ты пытаешься обосрать все свое будущее? — Марк рычит сквозь зубы, прикладывая меня о стену спортивного зала.

Пожимаю плечами, снимаю шлем и запускаю пятерню в свои длинноватые волосы. Обычно прошу Джоли подстричь их для меня, но я был слишком занят в последнее время, пытаясь залезть к ней в трусики, чтобы попросить ее позаботиться об этой херне.

— Все в порядке. Он не скажет ни слова тренеру Дрешеру, — отмахиваюсь от Марка.

Он упирает руки в бедра и встает передо мной, как раздраженный родитель. Позади него мои товарищи по команде спорят и кричат, и я виноват в этом. Осознание сложившейся ситуации оставляет горький привкус во рту.

— Не имеет значения, бро. Ты все еще ведешь себя, как Король-Придурок в стране Кисок. И тебе нужно покончить с этим дерьямом, прежде чем попадешь в черный список. Просто не можешь себе этого позволить. Не тогда, когда ты так близок, чтобы попасть в драфт (прим.перев. Драфт НФЛ — ежегодное событие, в течение которого команды НФЛ набирают новых игроков из команд студенческой лиги).

Я знаю, что он прав. Понимаю, что весь день веду себя как мудак, и это не похоже на меня. Нужно, чтобы голова сосредоточилась на игре, но это трудно, когда постоянно думаю о том, что ДжоДжо недалеко от меня, продолжает заниматься своими делами после того, как вчера растоптали мое чертово сердце на кухонном полу.

— Таким образом, я не должен вести себя как самый большой членоголовый, даже если мой член огромный. Попался, — киваю я, пытаясь поднять настроение.

— Что на тебя нашло? Что-то не так? — Марк поднимает голову и бросает на меня серьезный взгляд.

Можно подумать, я бы сказал ему.

— Ничего не случилось. Все так здорово и чертовски правильно, что мне хочется станцевать, — сарказм так и сочится из меня, словно слюни на подушку.

Но правда в том, что я знаю — у меня большие неприятности. С ДжоДжо. С ошибкой, которую я совершил. Со всем.

— Да? Так это не имеет ничего общего с тобой и Джоли? — Он выгибає одну бровь.

Лишь одно ее имя на его губах заставляет меня хотеть пробить стену, а затем пробежать гребаный марафон, чтобы выплеснуть всю накопившуюся агрессию, распространяющуюся по телу.

— Между мной и ДжоДжо все замечательно. И, пожалуйста, больше не произноси ее имя.

Марк ошарашено смотрит на меня. Улыбка появляется на его губах. Мы не очень близки, Марк и я, но знаю, что он хороший человек. Парень родился и вырос в приличной семье южан, где люди много обнимаются, говорят о чувствах и занимаются прочей ерундой. Иногда мне неуютно рядом с ним из-за такого поведения. Как будто он насквозь видит меня. Видит те стороны, которые мне комфортно обсуждать только с ДжоДжо.

— Ты влюблен в нее, — говорит он, посмеиваясь. — Черт возьми, чувак. Ты влюблен в свою соседку по квартире. Это уморительно. Она знает?

Знает ли ДжоДжо? Может быть, более правильный вопрос — знаю ли я? Да, конечно, она мне нравится, но что именно это значит? Черт, даже не могу сейчас понять себя. Иначе, зачем мне так себя вести? Как самый большой мудак. Но признаться себе, что я влюблен — не просто мне кто-то нравится, а я влюблен — в мою лучшую подругу — это как согласиться с поражением. Потому что, кроме пары раз в последнее время, ДжоДжо никогда не флиртовала со мной за всю ее жизнь. И я просто уверен, что если когда-нибудь скажу ей, что чувствую на самом деле, то она рассмеется мне в лицо и скажет, что это временно.

Это не временно.

Это навсегда.

Я влюблен в свою лучшую подругу.

В девушку, которая бежала под дождем ради меня.

В девушку, которая делала за меня домашнюю работу в начальной

и средней школе, чтобы я мог сосредоточиться на футболе, давала мне советы и кратко пересказывала доклады по пути на занятия каждый день.

В девушку, которая поверила в меня даже раньше, чем я поверил в себя.

И появлялась на играх каждые выходные, с учебниками на коленях, делая домашнюю работу между аплодисментами для меня.

Я влюблена в свою соседку по квартире.

В девушку, которая подстригает мои волосы и знает, что мой любимый цвет черный, а мое любимое блюдо — жареный сом по-каджунски.

В гордую обладательницу самой сладкой киски Луизианы.

Я влюблена в Джоли Луис.

Я собираюсь завоевать ее. И к черту последствия.

Джоли

— Вчера у меня было лучшее свидание в жизни. Без преувеличений. Это факт. — Челси вытягивает руки на библиотечном столе, кладя голову между ними.

Она сдувает с лица прядь черных волос. Щеки розовые, глаза покрасневшие, а ее огромная улыбка говорит мне, что она влюбилась. Я сижу напротив нее, улыбаюсь, поправляя свою скромную блузку. Всегда считала себя маминой дочкой. Не самая феминистская вещь на свете, чтобы признаваться в этом. Однако уже знаю, что моей самой полезной ролью в жизни будет быть мамой. Но Челси? Она немного другая. Хочет стать няней после нашего выпуска. Накопить опыта, прежде чем самой стать матерью. У нее будет свадьба и (по крайней мере) четыре ребенка на ее (совершенно сумасшедшую) голову двадцать четыре часа семь дней в неделю.

— Куда Марк тебя водил? — расспрашиваю я, притворяясь, что печатаю на своем MacBook'e. На самом деле, просто тяну время и пытаюсь выглядеть так, будто все в порядке. Словно я не беспорядок эпических масштабов. Мы с Сэйджем не сказали сегодня друг другу ни слова. Никаких эсэмэс. Не сталкивались вместе, смеясь в коридоре. Даже поездка в кампус была тихой. Он постукивал по рулю, я писала маме, и пролайкала все, что мои друзья выложили на «Фейсбуке». Было

неловко, мягко говоря.

— У нас был пикник под звездами. Потом мы пошли ко мне. Никки уехала на неделю, так что комната была в нашем полном распоряжении. Мы смотрели «Отряд самоубийц». Затем мы... — она краснеет, отводя взгляд. — Затем мы делали другие вещи. И, да, он отличный парень.

— Я так рада за тебя. — И это действительно так.

Дружба не стоит того времени, которое вы проводите вместе, если не можете искренне почувствовать радость и любовь своих друзей, когда с ними происходит что-то удивительное.

— Спасибо тебе, сладенькая. Так что насчет тебя? Все еще злишься на этого придурка, Брэндона? Тебе действительно нужно больше красоваться, леди. Ребята будут выстраиваться в очередь, как только подашь им сигнал, что ты заинтересована, — она поигрывает бровями и захлопывает толстый учебник.

Я посылаю ей слабую улыбку, оглядываясь вокруг, чтобы убедиться, что библиотека пуста. Так, никого. Я пока еще не рассказала ей о фальшивых отношениях с Сэйджем. Думала, что все закончится, прежде чем мы даже сможем попробовать, как и со многими другими сумасшедшими идеями Сэйджа. Я была даже отчасти права. Правда, испортила большую часть этих фальшивых отношений, но это не имеет значения. Не совсем. Однако не хочу ничего скрывать от Челси.

— У меня, вроде как, была сексуальная интрижка с Сэйджем на этой неделе. Ничего серьезного. Мы просто дурачились. — Я барабаню по ключице своими пальцами.

— Знаю, — говорит она прямолинейно. Я поднимаю бровь.

— Что?

— Эй, чувиха, я знаю, Пенни знает, каждый человек в кампусе знает, — беззаботно сообщает она, допивая оставшуюся часть своего латте и бросая стаканчик в мусорную корзину у нашего стола, пожимая плечами. — Мы с Марком говорили об этом. Сэйдж сказал ему. Очевидно, он сказал всей футбольной команде, что он отрежет им кое-что, если они даже подышат в твою сторону. Немного собственнически, если ты спросишь меня. Никогда не думала, что он пещерный человек.

Смотрю на Челси, разинув рот, понимая, что это не очень добрый взгляд, но я слишком потрясена, чтобы адекватно реагировать.

Оглядываюсь вокруг. Только один стол занят во всей библиотеке, кроме нашего. Стайка девушек сидит в другом конце комнаты. Одна с

пернатой розовой ручкой, другая в белом пышном кардигане и блондинка с высоким конским хвостом. Они пялятся на меня, и мне известно почему. Если бы глаза могли убивать, я бы уже истекала кровью на полу. Для них Сэйдж — не реальный человек, с историей, личной трагедией и сложным характером. Он просто легенда. Символ статуса. Как «Феррари» или вещь от «Версаче». Ярость сковывает мое горло. Я не знаю, как смогу жить, если обнаружу, что он женился на такой девушке. Той, кто не увидит его таким, какой он есть.

— Земля вызывает Джоли. — Челси машет руками передо мной, улыбаясь. Я вырываюсь из ступора, слегка покачивая головой.

— Извини, что ты сказала? — Закрываю MacBook и хватаю сумку из-под стула. Признаю поражение. Просто сегодня я не смогу сосредоточиться ни на чем, кроме него.

— Видимо, между тобой и Сэйджем все серьезно, если он утверждает, что ты принадлежишь ему, перед всеми.

Мы обе встаем, собираем вещи и пробираемся к двери. Собираюсь ответить Челси, когда...

— Шлюха, — одна из девушек кашляет в сжатый кулак, как только я прохожу мимо нее.

— Выскочка, — злобно шипит другая.

Продолжаю идти, игнорируя их, но только собираюсь повернуть за угол в коридор, как замечаю, что Челси больше нет рядом со мной. Поворачиваю голову и вижу ее стоящей перед их столом. Мои глаза почти вылезли из орбит, как у мультишек. О, нет. Челси, как мама-медведь-на-стериоидах-когда-начинаются-месячные. Она заботится о себе и никогда не упускает шанса постоять за друга. Но эта сука не заслуживает ее внимания. Ни капельки.

— Привет, девочки. — Челси выставляет одно бедро, с лежащей на нем рукой, а ее улыбка такая же сладкая, как диабет 2-го типа, затем щелкает их на свой телефон. — Просто хотела заскочить и дать вам знать, что, говоря всякую херню о подруге капитана футбольной команды, вы практически уничтожили любую возможность, которую когда-либо имели, чтобы встретиться с качком в этом месте. Просто к сведению. Итак, удачи и всего хорошего. — Моя подруга пожимает плечами и возвращается ко мне.

— Тебе не нужно было это делать, — бормочу я, но все равно стискиваю ее в объятиях, а затем прижимаю к себе, обняв за плечо. Мы

вместе выходим в оранжево-розовую осень, направляясь к студенческой стоянке.

— Знаю, что не нужно, но я хотела. Так ты и Сэйдж теперь пара? — Она останавливается у своего надежного синего «Бьюика» и достает ключи из заднего кармана.

— Эм, нет. Вчера я, вроде как, немного испугалась возможности того, что он покинет штат в мае, и сказала ему, что все отменяю. Все началось с того, что он предложил мне притвориться его фальшивой девушкой до выпускного. Говорил что-то о Рождественском мероприятии в Нью-Йорке или вроде того. Поэтому новость, которую он всем рассказал, что мы — пара, больше связана с его таинственным планом, нежели с любовным признанием, — угрюмо признаю я.

Челси качает головой и дарит мне свое лучшее выражение «ты-полная-идиотка». Нечто среднее между озадаченным и раздраженным.

— Ты серьезно думаешь, что он играет в игру? Ты не знаешь, что ему нравишься?

Я качаю головой. Имею в виду, да. Знаю, что Сэйдж любит меня, как товарища. Трудно этого не заметить. Мы так много делаем друг для друга. Но больше, чем это? В романтическом плане? Нет. У него было бесчисленное множество шансов пригласить меня на свидание, размыть границы, рискнуть. Буквально, десятилетие возможностей. Он видел меня с парнями. На свиданиях. На выпускном с Клэем Джейкобсом. Никогда, даже отдаленно, не подавал виду, что ревновал. Нет причин, по которым он внезапно стал собственником.

— Джоли, он без ума от тебя.

— Я этого не вижу.

— Ну, ты должна, потому что все остальные видят.

Я кусаю нижнюю губу и морщусь от ее слов. Возможно, это правда. Может, просто веду себя, как дура. Имею в виду, чего именно я жду от него прямо сейчас? Заявления, что он всегда будет моим? Чертово кольцо? Кто знает, что произойдет в мае? Все, что у нас есть, — это сегодня, и только это имеет значение. Фух. Сейчас говорю, как вдохновляющие мемы людей на их страницах в «Фейсбуке» по понедельникам.

— Хорошо, я поговорю с ним, — говорю Челси. Она кивает.

— Я подвезу тебя до работы, — подмигивает подруга.

— Ты самая лучшая.

И в миллионный раз с тех пор, как встретила ее здесь пару лет назад, благодаря Господа, что он дал мне лучшую подругу, которую люблю, как наркотик, а она заботится обо мне, как фея-крестная.

Глава 7

Джоли

Завязываю желтый фартук вокруг талии в комнате отдыха для сотрудников «Счастливого кролика». Триша, моя коллега, которой пятьдесят с хвостиком, кашляет мне в лицо, выпустив при этом клуб сигаретного дыма изо рта.

— Все, что я говорю, не позволяй мужику обмануть тебя. Все они одинаковые, Горячий Пирожок. Если позволишь, то тебя поматросят и бросят. Зачем покупать корову, если молоко можно получить бесплатно? Понимаешь, о чем я? — она отхаркивает в мусорное ведро, рыжие, как у пожарной машины, кудрявые волосы усеяны белой сигаретной золой.

Я притворяюсь, что взбиваю ее гриву, хотя на самом деле, просто убеждаюсь, что она не потеряет все свои чаевые и работу, посыпая пеплом еду людей, словно Тинкербелл из ада.

— Да, — улыбаюсь ей, но не совсем понимаю, почему мы говорим об этом.

Я не сказала ей ни слова о Сэйдже. На самом деле, попыталась завязать разговор о погоде. Триш покидает затемненную комнату, чтобы накричать на нашего менеджера — владельца закусочной, Трэвиса, и немедленно выуживаю свой телефон, отправляя эсэмэс лучшему другу. Тому, которого я оставила в подвешенном состоянии.

Я: Давай поговорим сегодня вечером?

Меньше чем через пять секунд от него приходит сообщение в ответ.

Сэйдж: Хорошо. Забрать тебя с работы в одиннадцать?

Я: Триш подвезет меня. Она хочет поговорить о Бостонском

колледже, в который приняли ее сына. Увидимся дома?

Сэйдж: Ок. Я тусуюсь с парнями у «Барни», но буду дома вовремя. Все хорошо?

Я: Да. Просто думаю, что должна извиниться перед тобой за то, что вчера так психанула.

Сэйдж: Честно говоря, единственное, о чем я беспокоюсь, как это повлияет на отношения с твоей киской, она же моя невеста.

Я: Обхохочешься.

Сэйдж: Угу Зато искренне.

Сэйдж: Но, серьезно, я не знаю, что случилось вчера. Что бы это ни было, хочу все исправить. Ты часть меня. Не могу изменить свою ДНК, но чертовски уверен, что сумею повлиять на все остальное, чтобы удержать тебя рядом. Ты ведь знаешь это, правда?

О боже. О. Боже. Возможно, Челси права. Может, не вижу того, что совершенно очевидно для всех остальных. Может быть, Сэйдж любит меня так же, как я люблю его?

Я: Хочу верить, что ты серьезно.

Сэйдж: Надеюсь, ты это знаешь. Скоро поговорим. X

Смена пролетает незаметно. Не думаю, что у меня когда-либо были такие отличные чаевые, хотя практически работаю на автопилоте. Не чувствую ни усталости, ни стресса, ни тревоги. Просто рада, что увижу Сэйджа в конце смены. Или, может быть, дело спорится, потому что клиентов немного. Спустя пять часов моей смены Трэвис, прогуливаясь по линолеуму в черно-белую клетку, протягивает руку над столиком с огненно-красной скатертью и смачно шлепает по попке Триш.

— Триш, Джолс, на остаток вечера вы свободны. Разделите чаевые из банки. Это место мертвее, чем мой старик. А он мертв, да. Мертв уже два десятилетия.

Примечание: на лицах неловкая вежливая улыбка.

Подпрыгивая, как школьницы, сбежавшие с уроков, мы идем к куску дерьма — машине Триш (ее слова, не мои). Она называет свой старый блевотно-зеленый «Форд Аэростар» Бобом. В честь того мудака, который убежал от нее, когда она была на восьмом месяце беременности. Сыну Боба сейчас семнадцать, и он, слава Богу,

поступает в колледж. И совершенно отличается от своего отца-бездельника.

— Куда? — спрашивает меня Триш, когда садится за руль и сразу же закуривает. Она взбивает волосы, глядя в зеркало заднего вида. Между нами пепельница с таким количеством окурков, что можно набрать целое ведро. Начинаю диктовать ей свой адрес, прежде чем осознаю, что Сэйджа еще там не будет. Поэтому вместо этого даю ей адрес «Барни», переоборудованного амбара, превращенного в неряшливый бар, в котором часто болтаются спортсмены.

— О, «Барни». У меня столько воспоминаний об этом месте. Большинство из них связано с порванными презервативами и Бобом, но все же, — вздыхает Триш, заводит машину, и мы укатываем.

Всю дорогу до «Барни» болтаем о колледже, хотя на самом деле, мне вообще не до этого. Мысль о том, что я чуть не оттолкнула парня, которого хотела больше жизни, тяжело оседает у меня в голове и медленно открывает колодец темных мыслей. Потом вспоминаю, каким милым он был, пока мы переписывались, и глубоко вздыхаю.

К тому времени, как машина Триш останавливается перед старым красным амбаром, в котором играет песня группы Arctic Monkey «Я уверен, что ты хорошо выглядишь на танцполе», раздающаяся сквозь дверь и окна, я вспотела, словно бегала трусцой.

— Иди. Мне нужно сделать телефонный звонок. Но я подожду тебя на случай, если он уже ушел. — Она вытягивает шею, как будто пытается увидеть Сэйджа через окна.

Я не написала Сэйджу, потому что хотела сделать ему сюрприз. Даже не упоминала, что встречаюсь здесь с парнем, хотя от Триш ничего не утаишь. Она чует мужчин за версту.

— Спасибо, Триш. Ты лучшая, — сжимаю ее в объятиях и выпрыгиваю из машины.

Мои колени дрожат, пока пробираюсь к двери. На входе никого нет, потому что это место находится в жопе мира. Почти под землей. Я могла бы прийти сюда с новорожденным младенцем, и никто бы и глазом не моргнул. Никто также не попытался бы наткнуться на меня, так что, возможно, мне стоит подумать о том, чтобы прийти сюда с ребенком, если я когда-нибудь почувствую тягу к спиртному, а не к похотливым парням из колледжа.

— Джоли!

Замечаю товарищей по команде Сэйджа в углу бара. Майкл оживляется первым, отрывая руки от стойки, на которую он опирался, и машет мне, подзываая к ним.

— Иди сюда, красотка!

Вижу Тома, Марка и Дре, сидящих позади него, поэтому думаю, что вечеринка еще не закончилась, и Сэйдж должен быть где-то поблизости. Иду к ним, на моем лице расплывается улыбка из-за моего наряда: застегнутое оранжево-желтое мини-платье с черными чулками — униформа «Счастливого кролика». Том свистит, когда я подхожу, и Марк отвешивает тому подзатыльник. Но постепенно улыбка сползает с моего лица, когда понимаю, что Сэйджа нигде не видно. Останавливаюсь возле бара, плечом почти касаясь Марка, и он отходит от меня на два больших шага, нахмурившись. Странно. Я знаю, что он с Челси. Но не думает же он, что я собираюсь приударить за ним?

— Где Сэйдж? — спрашиваю я, обращаясь ко всем, и опираюсь на стойку.

Майкл молча поднимает брови, поджав губы. Том отводит взгляд, Дре на самом деле посвистывает, переписываясь с кем-то, и Марк единственный, который, прочистив горло, достаточно порядочен, чтобы встретиться со мной взглядом.

— Он знал, что ты придешь?

— Нет. Зачем ему... — начинаю спрашивать, но пронзительный голос обрывает меня на полуслове.

Воздух бара спертый, пропахший дешевым алкоголем и мужским лосьоном после бритья словно разрезает. Голос девчачий. Инстинктивно поворачиваю голову и вижу Сэйджа, стоящего перед одной из девушек, с которой мы с Челси пересеклись в библиотеке днем ранее.

Той, что блондинка.

Самой красивой.

В белом шелковом кардигане.

Которая назвала меня шлюхой.

Хочу, чтобы он сказал ей отвалить. Что этого никогда не произойдет. Хочу, чтобы повернулся к ней спиной и подошел ко мне, как в кино. Хочу, чтобы она последовала за ним, и чтобы Сэйдж преградил ей путь. Это нехорошие мысли, но они исходят из глубины моей души. Души, наблюдавшей, как он играл с несчетным количеством

девушек, и желающей, чтобы Сэйдж просто дал мне шанс. Но, к моему ужасу, он не сделал ничего из этого. Это она убегает в сторону двери, а он преследует ее.

— Эмбер, нет, пожалуйста! — зовет он.

Эмбер.

Нет.

Пожалуйста.

Сэйдж никогда не умоляет. Никогда не просит. Ни меня, ни кого-то другого.

Он следует за ней. А я застываю, приклеенная к полу. Наблюдая, как дверь раскачивается взад и вперед от силы толчка Эмбер. Сэйдж отстает от нее.

Но успевает поймать.

Удерживая руками.

Обнимая.

Их силуэты расплывчаты из-за грязных мутных окон. Вижу только, как фигуры раскачиваются вместе, словно в танце, сквозь тусклое стекло и туман слез в глазах. Вижу, как она отталкивает его прочь, а он продолжает двигаться за ней. Вижу отчаяние в языке его тела. И тогда чувствую руку Марка на своем плече.

— Не знаю, что там происходит, — говорит он слегка дрожащим голосом, — но дай ему шанс объясниться.

Одинокая слеза бежит по моей правой щеке и падает вниз на носок конверсов. Слышу, как парни говорят и шушукаются позади меня, но не могу разобрать ни одного слова. Мои ноги сами несут меня к Эмбер и Сэйджу. К девке, назвавшей меня шлюхой, и парню, сказавшему, что я в его крови, но после этого побежавший за другой.

Они стоят возле амбара. Она кричит на него. Он выглядит несчастным. Знаете, какая единственная хорошая вещь в этой дерьямовой ситуации? Машина Триш все еще припаркована у несуществующего бордюра возле стога сена, двигатель заведен, пока она разговаривает по телефону, курит сигарету и разглядывает себя в зеркало заднего вида.

— О, отлично! Теперь еще твоя новая девка приперлась! — визжит Эмбер. Вскидывая ладони перед лицом, закатывая глаза. Затем начинает пыхтеть. Думаю, основываясь на этом пыхтении, могу заключить, что передо мной не-такая-уж-счастливая пара. Пристально наблюдаю за

ними. Сэйдж мгновенно оборачивается, его глаза расширяются.

— Что ты здесь делаешь, Джоджо? — слова с надрывом вырываются изо рта.

— Очевидно, стою на вашем пути. Не волнуйся, Сэйдж. Я скроюсь, чтобы вы могли вернуться к вашим... — хмурю брови, стоя так близко к ним, — делам.

— Нет, подожди. У меня нет никаких дел с Эмбер. Вообще никаких. Ты не понимаешь... — обвиняет он меня, но я поспешила отступить к машине Триш, открываю пассажирскую дверь, залезаю и прошу ее поскорее трогаться. Что она и делает. Триш выбрасывает зажженную сигарету из окна и вдавливает педаль газа так, словно мы участвуем в полицейской погоне. Не уверена, что мне интересно, откуда у нее такие навыки вождения.

— Проблемы с парнем? — ее голос исключительно жизнерадостный, словно она только что доказала свою правоту.

Качаю головой, скрестив руки на груди. Я просто хочу уехать отсюда. Мне нужно уехать. Ненавижу его. Хочу убить. Хочу поцеловать. Люблю его. Не знаю, что чувствую. Все неправильно, запутано и окончательно. Или, может быть, ничего не произошло, и всему есть логичное объяснение? Я в замешательстве. Мне нужно выпить. Нужно подумать об этом трезво.

Черт возьми.

Мой телефон начинает пикировать входящими сообщениями, когда вижу бордовый грузовик Сэйджа, следующий за нами. Ну, просто отлично.

Сэйдж: Куда ты едешь? Кто с тобой в машине?

Сэйдж: Ты не можешь просто так уехать. Я не знал, что ты придешь. Я могу все объяснить.

Сэйдж: Знаю, что все выглядит плохо.

Сэйдж: Ты должна ответить мне, Джоджо.

Сэйдж: ЧЕРТ, ДЖОДЖО, ЧЕРТ.

— Куда? — спрашивает Триш, прикуривая уже, наверно, четырехсотую сигарету за сегодня, когда мы приближаемся к перекрестку на бешеной скорости. Она беззаботно проезжает знак остановки, а я боюсь, что опишуся в штаны, несмотря на занятия по

пилатесу.

— Притормози, Триш.

— Он изменил? — они игнорирует меня, обстановка накаляется. — Выглядит так, словно он обманывал тебя. Со мной такой номер не пройдет. Боб изменял.

— Все сложно, но... — я не хочу умирать. Даже из-за Сэйджа.

— Ублюдок! — она жмет на газ так сильно, что меня вжимает в сиденье. Между тем, сообщения продолжают приходить.

Сэйдж: Скажи ей остановить чертову машину, или, я клянусь, сброшу вас с дороги, чтобы вытащить тебя.

Сэйдж: Эта сука сумасшедшая, ДжоДжо. Она убьет вас обеих.

Сэйдж: ЭТО НЕ ТО, ЧТО ТЫ ДУМАЕШЬ!

— Ты должна остановиться, — разворачиваюсь всем телом к Триш.

— Черт возьми, я это сделаю! — восклицает она с дьявольским смехом. Ладно. У Триш должно быть немного поехала крыша. К тому же, она достает еще одну сигарету из своей волшебной нескончаемой пачки. Я хватаю ее за плечо и слегка сжимаю, пытаясь привлечь внимание, чтобы она не сделала что-нибудь опрометчивое.

— Триш, ты закрутилась. Останови машину, или я заберу все наши чаевые, — угрожаю ей, и машина тормозит так резко, что меня снова вжимает в сиденье. Мы на обочине шоссе, в кромешной тьме, и Триш тянется через меня, открывает дверь и указывает наружу.

— Убирайся к черту из моей машины, девочка! Если ты примешь этого ублюдочного изменника обратно, то я больше не хочу тусоваться с тобой.

Все быстро усугубилось. Хватаю свои вещи и выскакиваю на обочину, Сэйдж уже паркуется позади ее машины. Независимо от того, что произошло между нами, я все еще доверяю Сэйджу больше, чем кому-либо еще. Он доставит меня домой в безопасности. Где бы дом ни был. Как только Триш снова газует и уносится прочь, оставляя нас в клубах пыли, Сэйдж выходит из грузовика и идет ко мне, грудь вздымается, глаза горят. Мы стоим друг напротив друга. Я ничего не говорю. Впрочем, как и он.

Затем он достает телефон из кармана и пишет мне, у него серьезное лицо, брови нахмурены. Смотрю на него, как на сумасшедшего.

Сэйдж: Если будем говорить об этом прямо сейчас, то снова поссоримся. Давай поедим домой, и я все объясню.

Не двигаюсь с места. Не хочу плакать. Не хочу ссориться. Но также не хочу быть половой тряпкой, о которую вытирают ноги. У него достаточно девчонок, которые с радостью сыграют эту роль для него. Но не я. Сэйдж вздыхает и снова пишет мне.

Сэйдж: К НАМ домой, ДжоДжо. Не выбрасывай на ветер все эти годы дружбы из-за простого недоразумения. Пожалуйста.

Поездка домой рвет мне душу. Молчание висит в воздухе, словно смрад. Когда мы добираемся до квартиры, я сбрасываю конверсы у стены и иду в свою комнату. Большая рука обхватывает меня за талию и разворачивает. Я бью его, чувствуя, как все унижение, гнев и печаль, которые ощущала у «Барни», возвращаются, горя во мне раскаленной яростью.

— Отвали от меня, Сэйдж. Серьезно. Вся эта чушь о том, что я в твоей крови, не ощущалась такой правдой, когда ты бежал за Эмбер, умоляя.

— Ты в моей крови! — кричит он мне в лицо, вороша пальцами свои густые, пышные светлые волосы.

Смотрю в сторону, чтобы он не видел моих слез. Мои щеки мокрые, а сердце стучит достаточно громко, чтобы услышать биение через всю комнату.

— Ты в моей крови, в моих венах, в моей чертовой душе. Ты в моем сердце, в моих кончиках пальцев и на моих гребаных губах, как молитва. Ты, черт возьми, везде, Джоли Луис. Всегда была, всегда будешь.

Он толкает меня к стене. Моя спина впечатывается в нее. Я рычу, отталкивая его. Он позволяет мне. Мы разозлились. Мы в отчаянии. Мы расстроены. Мы сгораем заживо вместе, и мы так связаны друг с другом, даже когда полностью истерзаны.

— Эта девка, Эмбер, назвала меня шлюхой сегодня. А ты побежал за ней! Умолял ее остаться, когда думал, что меня там нет. Как ты думаешь, что я чувствую после этого?

— Я не хочу Эмбер, — говорит он, поджимая губы и щуря глаза. — Мне больше никто не нужен. Я хочу только тебя.

— Ты выбрал забавный способ, чтобы показать это, — фыркаю я (О Боже, с каких пор я стала фыркать?), поворачиваюсь к нему спиной и иду в коридор.

Он снова прижимает меня к стене, на этот раз фиксируя мои руки по обе стороны от головы, запирая в ловушку. Я не могу сбежать. Не могу спрятаться. Должна остаться здесь и посмотреть к чему все приведет. Его глаза горят. Мое тело дрожит. Между нами надвигается шторм, а мы оба беззащитны.

— У нее недавно был выкидыш, — огрызается он мне в лицо, от него пахнет пивом и корицей. — Мы переспали несколько месяцев назад. Презерватив порвался. Она хотела оставить ребенка, а я не смог ей сказать этого не делать. Она узнала о выкидыше в прошлом месяце и не в порядке из-за этого. Вот почему я бежал за ней. Она только что узнала о нас в библиотеке.

Я проглотила горький комок слез. О, боже мой. Бедная Эмбер. Бедная, несчастная Эмбер. И бедный Сэйдж. Я была так сосредоточена на своих чувствах, что забыла, что вокруг меня есть другие люди.

— Сэйдж, — обхватываю его щеки ладонями, мой подбородок дрожит. Он берет мои запястья, удерживая меня близко.

— Я никогда не хотел никого, кроме тебя, Джоджо. Не понастоящему. Не всецело. Не одержимо.

Сэйдж делает шаг ко мне, его тело льнет к моему, нога между моих бедер, губы на моих, когда он говорит эти слова.

— Хочешь знать правду? Так вот, правда в том, что я попросил тебя быть моей фальшивой девушкой, потому что Марк захотел подкатить к тебе. И меня словно ударили по голове; я лучше умру, чем увижу тебя с кем-то, кто сможет дать тебе то, что тебе нужно. Я понял, что никогда не смогу быть счастливым, если ты выйдешь замуж за другого. Даже не могу думать о том, чтобы быть с кем-то, кроме тебя, и когда у меня появится ребенок, хочу, чтобы он был нашим. Я люблю тебя, Джоджо. Но ты уже это знаешь. Я так влюблен в тебя. Без ума от тебя. Не могу жить без тебя.

Я целую его губы, чтобы заткнуть его и дать ему все, в чем он нуждается. Пальцами перебираю мягкие светлые волосы. Его руки на моей талии притягивают ближе. Мы одно целое. Цельные и

сломленные. Счастливые и грустные. Потерянные и вновь обретенные.

— Я так сильно люблю тебя, — выдыхаю, слова торопливо вылетают изо рта. — Я всегда любила тебя. С того дня на лужайке, когда дождь так сильно стучал по нашим телам, что наверняка мы должны были вернуться домой с синяками на коже. С тех пор я полюбила тебя, и никогда не переставала. Даже когда очень старалась. Даже когда встречалась с другими парнями.

Он поднимает меня, я обхватываю ногами его узкую талию. Затем Сэйдж несет меня в свою спальню. Не мою — его. Это заявление. Я очень редко захожу в эту комнату и то, только после того, как спрашиваю, только тогда, когда мне нужно взять что-то конкретное. Он опускает меня на кровать, очень осторожно, его рот на моем. Наши губы не отрываются друг от друга.

Он возится со своими джинсами. Я — с мини-платьем. Мы целуемся. Кусаемся. Как два подростка, которые желали друг друга так сильно, но никогда не смели дотронуться друг до друга. Но теперь я здесь. Вся. Каждая частичка меня. Это необузданно и красиво, это все, о чем я когда-либо мечтала, перевязанное бантиком, сделанное из воспоминаний и сладких моментов детства. Мы раздеваемся в тишине, наши глаза не отрываются друг от друга. Мы отпихиваем одежду к подножью кровати. Потом обнимаемся, пах к паху, наши губы сливаются в поцелуй, покусывают и ласкают. Освободив мою грудь от лифчика, Сэйдж берет один из моих сосков в рот, обхватив его теплыми губами и кружка языком по ареолу. Я выгибаю спину.

— Я люблю тебя.

Его дыхание щекочет мой чувствительный сосок. Потом он движется вниз по телу, оставляя легкие, как перышко, влажные, горячие поцелуи повсюду.

— Я люблю тебя, я люблю тебя, я чертовски сильно люблю тебя. Что бы ни случилось в моей жизни, могу рассчитывать только на тебя. Ты мое укрытие во время шторма, мое спокойствие среди хаоса.

Он покусывает мое внутреннее бедро, и я откидываю голову на подушку, которая пахнет корицей и лосьоном после бритья. Его язык встречает мою чувствительную плоть, облизывая мое возбуждение, но на этот раз он не требователен и не голоден. Он нежен и внимателен.

— Господи, Сэйдж. О, боже мой.

Я едва могу дышать. Он дразнится своим ртом, пока на моих глазах

не появляются слезы, прежде чем скользит пальцем в меня, сгибая, когда он достаточно глубоко, чтобы достичь моей точки G.

— Я люблю тебя. — Он продолжает целовать мою киску.

— И тебя я тоже люблю, ДжоДжо, — говорит он, и тихо смеюсь, нежно отпихивая его голову. Оргазм омыает меня, словно я попала в оазис. Содрогаюсь, прежде чем его крепкое мускулистое тело тягнется вверх, и губы снова встречаются с моими для глубокого поцелуя.

— Люблю тебя. Я говорил тебе это в последнее время? — Он водит носом по изгибу моей шеи, и я на небесах, точно. Могла бы даже убить человека, который бы попытался вырвать меня из этого сна.

— Не в последнее. — Я целую его в висок. — Лучше скажи мне еще раз.

— Я люблю тебя, Джоли Луис. Любовью, которая прожигает кожу изнутри.

Хмм. Плохо, что я хочу вытатуировать это себе на лбу?

Мы целуемся еще немного, пока моя рука следует вдоль дорожки волос, ведущей от его пупка к члену. Сжимаю его и двигаю рукой вперед и назад. Могу делать это весь день, и мне это не наскучит. Восхищаясь его телом. Узнавая, что доставляет ему удовольствие. Через несколько минут он поднимает голову и смотрит мне в глаза.

— Не хочу показаться драматичным, но, детка, думаю, что умру, если не трахну тебя прямо сейчас.

— Так сделай это, — улыбаюсь я.

Он протягивает руку через кровать к комоду в поисках презерватива. Затем раскатывает его по члену, мы оба с трепетом наблюдаем, словно это первый раз для нас обоих, и в каком-то странном испорченном смысле это так, по крайней мере для меня. Я не девственница, но чувствую себя таковой прямо сейчас, когда Сэйдж снова скользит на меня сверху.

— Я люблю тебя. — Моя очередь говорить. — Каждую часть тебя. Сломленного мальчика. Сильного мужчину. Беззаботного спортсмена и печального парня. Каждая частичка тебя любима и обласкана, Сэйдж Пойриер. Всегда помни об этом.

Он входит в меня одним плавным толчком, и я стону от внезапного ощущения того, что так наполнена, не только физически, но и духовно. Моя спина выгибается на простыни, когда он начинает двигаться в ритме, который мне еще предстоит испытать с мужчиной. Его движения

не имеют ни начала, ни конца. Его бедра постоянно движутся назад и вперед, это как эротический танец между двумя телами. И мы быстро находим темп, который заставляет нас обоих дышать тяжелее и учащеннее. Я никогда не смотрела в глаза мужчинам, с которыми занималась сексом раньше. Это было слишком странно. Слишком неловко. Но с Сэйджем не могу не делать этого.

Его глаза — открытая рана.

Мои — повязка, которая может помочь вылечить его.

Вот оно. Это все, чего я хотела. Он и я. Целиком и полностью принадлежим друг другу.

Его движения становятся прерывистыми. Я снова начинаю дрожать. Клянусь, что кончала с этим парнем больше раз, чем со всеми моими предыдущими партнерами вместе взятыми, и это действительно много говорит о его преданности делу, но также и о мужчинах в постели в целом.

— Я почти кончил, малышка. Пожалуйста, сделай это со мной.

Я киваю. Кончать по команде — это то, что всегда заставляло меня хихикать, когда читала об этом в книгах, но теперь я это понимаю. Знаете, это выполнимо, когда об этом просит мужчина сильнее всего возбуждающий вас.

Мы кончаем одновременно, он выкрикивает мое имя, а я хнычу, когда его член пронзает меня в последний раз. Потом мы целуемся. Наши тела покрыты потом. Мы выглядим истощенными, счастливыми и намного моложе своих лет.

Он откатывается на спине и смотрит в потолок.

Я поворачиваюсь на бок и кладу руку на его пресс.

— Черт, — это все, что он говорит.

Я закрываю рукой глаза и смеюсь. Он говорил со мной очень мило последний час, так что имеет смысл, что он возвращается к своему старому «я».

— Настолько плохо, да? — шучу я. Он поворачивается ко мне и убирает мою руку с лица.

— Нет, хорошо. Я никогда не думал, что это может ощущаться так.

— Как?

Он берет мое запястье и прижимает его к своим полным, идеальным губам:

— Как вечность.

Глава 8

Сэйдж

Грязно-бежевые коридоры ощущаются по-другому на следующий день.

И кафетерий, в котором постоянно пахнет несвежими кренделями и горелым кофе.

И мое тело. Все. Ощущаю себя легче и способным свернуть горы.

И если бы я был кем-нибудь другим, то сказал бы какую-нибудь чушь о том, что теперь я другой человек, но, к сожалению, для всего мира остаюсь все тем же придурком. Единственное отличие в том, что теперь занимаюсь сексом со своей лучшей подругой (шесть раз меньше чем за двадцать четыре часа, но кто считает?) и не хочу слишком сильно зацикливаться на этом, но, черт возьми, из-за этого с моего лица не сходит глупая улыбка.

Входит Эмбер.

По пути в тренажерный зал вижу, как она выходит из коридора Сабатт Хола. Останавливаюсь. Прошлым вечером мы расстались, ничего не выяснив между собой. Доктор сказал ей, что выкидыш мог быть связан с тем, что она продолжала пить на вечеринках до того, как поняла, что беременна. И как бы мне ни было плохо из-за этого, я глубоко поглядываю в свою собственную вселенную с ДжоДжо. Это хреново, знаю. Так что притормаживаю и хлопаю ее по плечу. Она выглядит уставшей, из-за этого чувствуя себя виноватым. Когда Эмбер поняла, что беременна, я сказал ей, что буду поддерживать ее несмотря ни на что. Она хотела сохранить ребенка, но до сих пор не рассказала своим родителям. Потом три недели назад у нее случился выкидыш, и я пытался быть рядом с ней, но большую часть времени она говорила мне, что мы должны попытаться снова завести ребенка.

— Эй, что случилось? — нежно сжимаю ее плечо, искренне улыбаясь.

Люди проходят мимо нас, разговаривают друг с другом, смеются. Эмбер бросает на меня убийственный взгляд, убирая от лица свои блондинистые прямые волосы.

— Чего тебе, Пойриер? — ее голос колкий, как и выражение лица.

Смотрю по сторонам, почему-то все еще боясь, что ДжоДжо нас увидит. Хотя знаю, что она понимает. Самая добрая девушка, которую я только встречал. И так переживает из-за того, что произошло с Эмбер. Словно каким-то образом с этим связана.

— Хотел проверить, как ты, — игнорирую ее сарказм. — Узнать, нужно ли тебе что-нибудь.

— Мне нужно, чтобы ты перестал трахаться на стороне и обратил внимание на меня. Вот, что мне нужно. — Она гордо поднимает подбородок, бросая мне вызов.

Тру заднюю часть шеи, пытаясь понять, не шутка ли это. Весь последний месяц я был мальчиком на побегушках. Возил ее. Позволял ей тусоваться со мной и парнями в «Барни». Даже помогал с учебой. Она же пыталась подкатить ко мне бесчисленное количество раз, но я отказывал ей, потому что, даже несмотря на нашу интрижку, я действительно не вижу, что у нас могло бы что-нибудь получиться. Это было бы неоправданно в лучшем случае, а в худшем — плохо кончилось.

— Что? — наклоняю голову в сторону.

Она шлепает меня по груди. Сильно. Что я даже отхожу назад, глядя на нее, словно она напилась из сумасшедшего фонтана, а потом съела огромную порцию психотропов.

— Ты, — она указывает на меня, сужая глаза, — не фокусируешься на главном. Я только что потеряла нашего ребенка, Пойриер. Ты понимаешь, о чем говорю? Я оплакиваю потерю. Мне больно. Не хочу видеть, как ты разгуливаешь по всему кампусу, рассказывая людям, что она твоя новая пассия. Это так неуважительно.

Какого. Черта.

Выпрямляюсь, стряхивая с себя часть удивления.

— Я действительно не понимаю, о чем, черт возьми, ты говоришь, женщина. Джоли не пассия. Она моя подруга детства, и теперь мы встречаемся. Это не имеет ничего общего с моим желанием быть здесь с тобой. Когда мы переспали, я сказал, что это было весело. Мы повеселились. Презерватив порвался. Не так весело. Дерьмо произошло где-то между. Да, ужасно. Теперь мы имеем дело с этим. Вместе. Слушай, я все еще здесь ради тебя, да? Но это не имеет ничего общего с ДжоДжо.

Ее нижняя губа дрожит. Люди останавливаются посмотреть. Задерживаются со своими телефонами. Притворяются, что возятся в сумке. Бл*дь. Попахивает сценой, и это проблема. Поэтому хватаю Эмбер за локоть и ташу ее наружу, подальше от здания, прямо к дереву возле входа. Сегодня пасмурно, поэтому кроме нас больше никого нет. Наклоняюсь к ней, не слишком близко, чтобы она не поняла меня не так, но достаточно, чтобы она знала, что я серьезен.

— Все, что нужно, — говорю я. — Я здесь ради тебя. Ладно?

— Мне нужно, чтобы ты бросил ее, — слезы Эмбер превращаются в настоящий потоп, и я хочу остановить их, правда, но не могу. Не так, как она хочет.

— Эмбер...

Она бросается на меня и хватает за воротник футболки, сжав кулаки. Она говорит мне прямо в лицо:

— Пожалуйста, Сэйдж. Дай мне еще один шанс. Ты уезжаешь в следующем году. Думаешь, что Джоли поедет с тобой? Она не из тех девушек, которые покинет свою семью. Я знаю таких. А я сделаю это, Сэйдж. Оставлю это место ради тебя.

В глазах темнеет, мысли перемешиваются в голове. Поэтому, когда Эмбер в поисках моего тепла обнимает меня, я обнимаю ее в ответ.

Потому что дал ей кое-что другое, даже не задумываясь об этом.

А теперь она потеряла это.

Потому что мне нужно как-то все исправить.

И потому что я боюсь, что она права насчет Джоджо.

Джоли

Знаете ту часть фильма, где люди сходятся, все хорошо, и в конце по сценарию у них «жили долго и счастливо»? Ну, в реальной жизни так не бывает. По крайней мере, в моей точно.

День начинается с того, что Челси сообщает мне, что они с Марком не идут на Рождественскую благотворительную вечеринку в Нью-Йорке, потому что у нее собеседование на должность няни в Канаде. Женщина на позднем сроке беременности ищет няню на полный день, чтобы помочь ей, когда ребенок родится. Марк поедет с ней, а после они полетят обратно, чтобы провести Рождество с ее семьей. Они продвигаются быстро, и я счастлива за них, но в то же время, мне так

сильно хочется провести время со своей лучшей подругой в «Большом Яблоке».

Потом меня уволили по эсэмэс. Трэвис, мой босс, который, по-видимому, обладает дипломатическими навыками, как у рыбы-меч, прислал мне следующее сообщение:

«Привет, Джули. Триши рассказала мне, что вы вчера поссорились. Хочу быть абсолютно честным. Она с нами уже десять лет, и это может стать проблемой. Поэтому думаю, что для всех будет лучше, если ты напишешь заявление по собственному желанию завтра после смены. Спасибо тебе за службу и прочее. Трэв».

Сначала думаю послать ему мой неотфильтрованный ответ:

«Привет, Грэвис (что? Ты не Грэвис? Ну, знаешь, я тоже не Джули. Вообще-то Джоли, придурак!). Не надо приукрашивать. Ты хочешь, чтобы я ушла, потому что вы с Триши встречаешься на кухне три раза в неделю перед ее сменой и делаете некоторые нечестивые (и антисанитарные) вещи на стойке. Я буду просто безумно счастлива предложить свои превосходные услуги кому-то, кто оценит их. Благополучной вам жизни. Джоли».

Но, конечно же, как хорошо воспитанная южанка, я довольствуюсь этим:

«Трэвис, спасибо за Ваше сообщение. Сожалею о том, что меня уволили (потому что, по существу, так оно и есть), но я никоим образом не собираюсь спорить по этому поводу. Поскольку Ваша реакция на нашуссору с Триши была молниеносной, то, думаю, что будет только справедливо, если моя отставка будет также незамедлительна. Я зайду забрать свой чек на следующей недели в любое удобное для Вас время. Спасибо. Джоли».

После увольнения — когда я думала, что хуже быть уже не может — приземляю свою пятую точку на библиотечное кресло, собираясь подготовиться к следующему экзамену по литературе, и открываю MacBook. Через пять секунд чтения эссе по истории английского языка я тру глаза, стараясь сконцентрироваться. Когда чувствую что-то липкое

и теплое, сползающее по моей голове, я замираю. Оно скользит вниз по волосам и шлепается прямо на лицо. Моя первая реакция — прикрыть лицо ладонями. После этого слышу звук падения на пол того, что было брошено в меня. Потом поднимаю голову и смотрю вправо, откуда оно прилетело.

Эмбер.

Сидящая за столом рядом со мной.

Улыбающаяся.

Смотрю вниз. Это стаканчик из «Старбакса». Трогаю волосы, обнюхиваю себя, меня все еще одолевает шок. Это мой теперь-уже-холодный тыквенный латте с зефирками. Господи.

Стерва.

Я понимаю, почему она это сделала, правда. Это больно. Даже не могу представить насколько. Но это не моя вина.

Кресло скрипит по полу, когда я встаю и иду к ней. Она сидит с армией своих приспешниц в кардиганах и жемчужных ожерельях, машинально поправляющих выпрямленные волосы. Я выгляжу небрежно в сравнении с ними. Мои конверсы грязные. И я не блондинка, а рыжая. И одежда у меня повседневная. И все же, они не могут так обращаться со мной. Никогда.

— Ты должна прекратить, — хлопаю рукой по столу Эмбер и поднимаю голову, чтобы посмотреть на них свысока. Она смотрит на меня с тщеславной улыбкой, которую я безумно хочу стереть с ее лица.

— Нет, не прекращу. У тебя есть кое-что мое, что я хочу вернуть.

— И я полагаю, что кое-что — это Сэйдж? — Наклоняю голову набок.

Она пожимает плечами, издавая отталкивающий смех, который никогда не позволяет себе в его присутствии.

— И его деньги. И его будущее. И его статус. По сути, все. Самое лучшее в том, чтобы быть откровенной с тобой, это то, что слишком хорошая девочка, чтобы побежать к нему и нажаловаться. Потому что ты не говоришь плохо о людях, не так ли, милочка? Я знаю все о тебе и твоей тактике навестить-мамочку-каждые-вторые-выходные.

Тактику?

Тактику?!

Она думает, что я проживаю жизнь, пытаясь кого-нибудь впечатлить? Моего лучшего друга? Она спятила? Мне даже не нужно

никому отвечать на этот вопрос. Конечно, она спятила. Никто в здравом уме никогда бы не подумал так. Я опускаюсь, наклоняясь к ее лицу, и шепчу:

— Я знаю, что с тобой случилось, и мне жаль, что это произошло. Но ты не сможешь нас разлучить, Эмбер. Думаю, тебе нужно двигаться вперед, и когда у тебя это получится, пересмотри свое поведение и приоритеты. Потому что ты не ведешь себя, как настойчивая или искушенная, милочка. Ты просто ведешь себя, как манипулирующая стерва.

Слова ударяют по ней одно за другим, и я вижу, как ее дерзкая улыбка быстро тает, а глаза широко расширяются. Одна из ее подруг — та, что брюнетка в лимонно-желтом кардигане и головной повязке в тон — морщит нос.

— Подожди, что ты имеешь в виду: после того, что с тобой случилось? Что именно с тобой произошло?

— Я... я...

Другая девушка, которая сидела напротив нее, встает со своего стула и качает головой. Ее лицо такое красное, что, кажется, будто она сейчас взорвется.

— Господи Иисусе, Эмбер! Скажи мне, что ты не повторяешь свой глупый план снова! Ложная беременность, а потом выкидыш? Эй, экстренное сообщение! Твоя жизнь не чертов эпизод сериала «Главный госпиталь»!

Отшатываюсь назад, сжимая край стола и смотрю на очень смущенную, очень сердитую Эмбер. Мои глаза расширяются, а грудь тяжело поднимается и опадает, адреналин из-за лжи догоняет реальность.

Все становится красным.

Потом черным.

Затем снова белым, потому что ложь не моя. Не мне решать, нести это бремя на себе или нет.

Я разворачиваюсь, чтобы забрать MacBook и сумку, и бегу прочь из библиотеки, направляясь к ближайшей автобусной остановке до дома. Эмбер за мной. Слышу, как ее каблуки стучат по асфальту. Не оборачиваюсь, главным образом потому, что мысль о том, чтобы сделать что-нибудь ужасное по отношению к ней — ну, не знаю, ударить там, накричать, проклясть — очень заманчива.

Может быть она и такая, но я — нет.

Только поворачиваю за угол улицы, как синий «Бьюик» Челси появляется на перекрестке. Она с визгом тормозит передо мной и открывает пассажирскую дверь.

— Нужен транспорт для побега?

— Мне кажется, это сейчас актуальная тема в моей жизни.

Запрыгиваю в машину, а потом наблюдаю в зеркало заднего вида, как фигура Эмбер исчезает вдали, и мое сердце, наконец, возвращается к нормальному ритму.

— Еще пятна кофе? — усмехается Челси, ее глаза изучают мою блузку. Улыбаюсь, избегая рассказа всей истории.

— Верно. Начинаю думать, что это мой талисман на удачу.

Глава 9

Сэйдж

Четыре дня до Сочельника

— Ты готова? — спрашиваю, смотрясь в зеркало, пока застегиваю запонки.

Хрустящая рубашка от «Прада», и меня не покидает странное чувство. Странно иметь возможность позволить себе «Прада», и постоянно приходится напоминать себе, что это всего на один раз. Я купил этот костюм для встречи с парнями из «Рэйдерс» в Калифорнии, потому что Джоджо заставила меня. Она сказала, что мне нужно одеваться так, как я хочу чувствовать себя. Ну, сегодня чувствую, что

собираюсь осуществить свою мечту и стать профессиональным футболистом со следующей весны.

Одна мечта почти осуществилась, на очереди другая.

— Секундочку! — моя девочка кричит из ванной шикарного номера отеля. Несмотря на то, что знаю ее с тех пор, как мы были детьми, есть еще много всего, что я узнаю о ней теперь, когда мы встречаемся. Вроде того, что ей требуется буквально два часа, чтобы нарядиться к выходу. Хотя ей было достаточно пары минут, чтобы подготовиться к учебе, когда мы уезжали из кампуса каждое утро. Или что она реально (это забавно, кстати) перевозбужденная во время месячных, что делает нас чертовски креативными в постели (хотя меня не смущает немного крови на моем стволе), но ее да. Или что она на самом деле не такая уж и чувствительная или милая, когда у нее есть причина не быть такой, как в тот раз, когда она вернулась домой и рассказала мне, как Эмбер, черт ее возьми, обманула меня, чтобы я нянчился с ней. Я все еще не оправился от этого дерьяма.

Хотя, подождите, это неправда. Определенно оправился. Но все же. Какая же Эмбер — дрянь.

— Ладушки! Закрой глаза, — просит ДжоДжо.

Мой галстук по-прежнему свободно висит у меня на шее. Хмурюсь, но отворачиваюсь, прислоняюсь бедром к комоду и засовываю руки в карманы.

— Хорошо. Дай мне посмотреть.

— В этом весь смысл, Сэйдж! Ты не должен смотреть! Глаза закрыты, помнишь? — пищит она.

Пищит. Я заставляю ее пищать в эти дни. Никогда не делал этого, пока мы были друзьями. А еще она сильно раздражается, особенно когда прошу ее заняться сексом в безумных местах, типа самолета или пляжа. Думаю, что своим раздражением она хочет мне показать, что сама идея безумна, но в конечном итоге мы все равно делаем это.

— Да, да, глаза закрыты, как и твои ноги, сегодня вечером, — бубню я, зажмутив веки.

— Все верно, мистер. Никакого Рождества по-быстрому в туалете.

Слыши, как ее голос приближается, и мой член дергается в знак признательности. Ему всегда нравились красивые вещи, а у нее изумительные блестящие глаза. Моя девочка в конверсах с рыжевато-блондинистыми волосами, которая не боится бегать под дождем для

меня.

— Я бы хотел обсудить эту часть, — облизываю губы, глаза все еще закрыты. Чувствую, что она близко. Ее тепло. Ее тело. Стук каблуков туфель, которых я еще не видел.

— Мне очень жаль. Но я не веду переговоров с террористами.

— О, поговорим об этом в конце вечера, — ухмыляюсь я.

— Открывай, — говорит Джоли, достаточно близко, чтобы я мог почувствовать аромат ее цветочных духов, но не так близко, чтобы ощутить дыхание на моей коже.

Открываю глаза. Она стоит передо мной в красном платье в пол с глубоким разрезом, обнажающим ее стройную молочно-белую ногу. Платье бархатное так и зовет меня потрогать его. Разорвать. Чтобы, бл*дь, вкусить ее прямо на полу. Но я все еще хочу, чтобы мои яйца были целы, когда мы доберемся до торжества в Метрополитене. На ней минимум макияжа — только огненно-красная помада на губах — и пара туфель с красными подошвами. Дорогие вещи. То, что я убедил ее купить, когда подписал контракт с «Рэйдерс», в тот же день, когда выбрал свой костюм. Ее алые губы подергиваются в робкой улыбке.

— Что думаешь?

— Думаю, что ты выглядишь идеально, но кое-чего все же не хватает. Аксессуаров. Повернись.

Ее глаза расширяются, но Джоли делает, как я прошу. Она поворачивается. Открываю ящик позади себя и достаю мой подарок. Приподнимаю ее волосы, чтобы надеть ожерелье. Ничего слишком вычурного. Простое ожерелье из розового золота с единственной жемчужиной. Требуется пара секунд, чтобы застегнуть его — это вам не кино. Это реальная жизнь, потому что мои руки трясутся, черт возьми.

— Теперь повернись обратно ко мне, — говорю я. Мой голос ломается. Она оборачивается. Медленно. Так медленно. Супер медленно. Почему она так медлит? Это знак? Да заткнись ты, засранец. Просто сделай это.

Очень небрежно, как будто это не имеет большого значения, словно я не готов наложить в штаны, надеваю обручальное кольцо на ее палец. Как и ожерелье, оно простое и элегантное. Тонкий ободок с одним бриллиантом, сверкающим посередине. Одинокий и редкий, как и моя девочка.

Я не спрашиваю, просто заявляю.

Сердце Джоли Луис принадлежит мне. Оно всегда будет принадлежать мне. Оно принадлежало мне с той минуты, как она решила открыть ржавое окно и улизнуть из своей комнаты, чтобы встретиться со мной без приглашения, но это было так необходимо.

Она смотрит на кольцо, и я ожидаю, что она нахмурится, может быть, задаст вопрос, но нет. Не происходит ничего из этого. Джоли улыбается и использует свою недавно украденную левую руку, чтобы обхватить мое лицо и прижать меня к себе.

Снаружи — буря, заставляющая газеты и мусор на улицах Нью-Йорка танцевать по кругу. Внутри — тепло. Мы целуемся. Как друзья. Как любовники. Как и все между этими понятиями.

— Я люблю тебя, сердитый мальчик, — говорит она, и я отвечаю ей единственное, что приходит мне в голову.

— Я люблю тебя, храбрая девочка.

Эпилог

Сэйдж

Год спустя

Восемь секунд молчания, и она, наконец, открывает свой рот. Во рту пересохло, онемело и стало больно из-за улыбки, которая не

сходила с лица весь день, но она хотела произнести эти слова, даже если они будут последними, что ей удастся сказать.

— Я, Джоли Александра Луис, беру тебя, Сэйджа Альберт Пойриера, в лучшие друзья, верного партнера и единственную настоящую любовь. Ты будешь моим штормом летом, моим спокойствием под зимним небом и всеми временами года между ними. В болезни и здравии, в печали и радости.

Она надела кольцо дрожащими пальцами. Позади них стояло дерево детства, украшенное красными и белыми сатиновыми бантиками. Это была небольшая церемония, свидетелями которой были только их любимые члены семьи и друзья из колледжа. Независимо от того, сколько мальчик-суперзвезда рос, чтобы попасть к «Рэйдерс», они все еще были теми же детьми, что и двенадцать лет назад. Смиренные. Тихие. Влюбленные. Такие влюбленные.

— Теперь вы можете поцеловать невесту, — сказал священник.

Его слова проникают в души двух влюбленных, тая, как свадебный торт позади них в жаркий летний день. На восьмой секунде после того, как девушка поклялась отдать все мальчику, он ухмыльнулся и сказал:

— Не надо просить дважды, сэр.

Убрав вуаль от ее лица, обхватил щеки и поцеловал так сильно, что у нее перехватило дыхание.

Люди повскакивали со своих мест, аплодируя, свистя, смеясь и радуясь этому моменту. Девушка улыбнулась, вспоминая, как в самый первый раз она набралась смелости последовать за сломленным мальчиком, повинувшись инстинктам, следовать своему сердцу, чтобы поговорить с ним.

Их губы двигались вместе в танце любви и страсти. Они знали движения наизусть.

На восьмой минуте после того, как церемония закончилась, девушка профилировала по тщательно подстриженной лужайке к своей лучшей подруге Челси, положив руку той на плечо. Челси обернулась. А ее парень — Марк, с которым она теперь была помолвлена, решил улизнуть — пробормотал свои поздравления и отошел. Сэйдж появился из-за спины своей новоиспеченной невесты. У него такая огромная улыбка, что она ослепила обеих женщин, как солнечный луч.

— Что случилось? — спросила Челси.

Недавно она переехала из Ванкувера, где жила со своим женихом, обратно в Луизиану, они оба искали работу, стремясь осесть там.

— Какое у тебя расписание через восемь месяцев? — спросила Джоли, бабочки порхали у нее в животе.

Челси приподняла одну бровь. Сэйдж был на грани взрыва от счастья. Девушка скользнула раскрытой ладонью по белому платью ко все еще плоскому животу.

— Пока не ясно. Почему ты спрашиваешь? — прощупала Челси почву.

— Потому что ты нанята, — сказала девушка, когда все три пары глаз опустились к ее животу.

Девушка получила поцелуй от мальчика, который уже не выл на Луну и не плакал на дереве. В лоб. Как друзья.

Потом он поцеловал ее в губы, как это делают любовники.

Затем — ее запястья, как это делают родственные души.

Конец